192 186

АЗІАТСКІЙ МУЗЕЙ

Россійской Академіи Наукъ

1818—1918

Краткая Памятка

ПЕТЕРБУРГЪ
1920

192
186
05

АЗІАТСКІЙ МУЗЕЙ

Россійской Академіи Наукъ

1818—1918

Краткая Памятка

ПЕТЕРБУРГЪ
1920

2

Напечатано по распоряженію Россійской Академіи Наукъ
Непремѣнный Секретарь академикъ С. Ольденбургъ.
Декабрь 1919.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
991759

Россійская Государственная Академическая Типографія
Вас. Остр., 9 линія, № 12.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

11 ноября 1918 года исполнилось сто лѣтъ со времени основанія Азіатскаго Музея. Научные работники Музея рѣшили ознаменовать этотъ день составленіемъ Краткой Памятки, въ которой были бы собраны главнѣйшія свѣдѣнія о постепенномъ собираніи рукописей и книгъ для Музея съ самаго начала его и вплоть до 1918 года. Россійская Академія Наукъ постановила издать эту Памятку.

Первоначально предполагалось присоединить къ ней и библіографію всего того, что написано объ Азіатскомъ Музеѣ и его собраніяхъ, но библіографія эта оказалась настолько обширной, что печатаніе ея задержало бы надолго выходъ въ свѣтъ Памятки, которая и безъ того выпускается со значительнымъ опозданіемъ.

Памятники эпиграфическіе и археологическіе упомянуты въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ.

Со времени составленія Памятки Музей обогатился рядомъ новыхъ поступленій, но систематическое описаніе коллекцій

Музея, одного изъ богатѣйшихъ въ мірѣ собраній памятниковъ восточной письменности, тормозится отсутствіемъ мѣста: старое помѣщеніе совершенно не удовлетворяетъ теперь потребностямъ Музея, а новое, давно для него построенное, все еще не можетъ поступить въ вѣдѣніе Академіи. Серьезныя опасенія внушаетъ и отсутствіе возможности отапливать Музей, вслѣдствіе чего въ немъ развивается сырость, крайне вредно отражающаяся на его собраніяхъ.

Директоръ Азіатскаго Музея
Академикъ Сергѣй Ольденбургъ.

Отдѣленіе книгъ на Европейскихъ языкахъ.

Въ основу библіотеки печатныхъ книгъ по востоковѣдѣнію на европейскихъ языкахъ легли тѣ немногочисленные тома, которые еще при учрежденіи Азіатскаго Музея были переданы изъ Петровской Кунсткамеры и Museum Petropolitanum вмѣстѣ съ собраніями азіатскихъ рѣдкостей и монетъ, описанныхъ въ 1776 г. библіотекаремъ Бакмейстеромъ[1]. Въ первое время существованія Музея это небольшое собраніе пополнялось частью пожертвованіями то государя, то министра и президента Академіи графа Уварова, то попечителя Казанскаго округа графа Мусина-Пушкина, частью приношеніями заграничныхъ оріенталистовъ, напр., v. Hammer, Schlegel, Ouseley, Jaubert, St. Julien и др., впослѣдствіи же и русскихъ востоковѣдовъ: Савельева, Іакинѳа, Григорьева и др. Другимъ источникомъ для пріобрѣтенія книгъ, кромѣ покупки, былъ довольно широко примѣнявшійся способъ обмѣна дублетовъ. Въ 1832 г. Музей записался на всѣ имѣющія выходить изданія только-что основаннаго въ Лондонѣ Oriental Translation Fund, о чемъ особо упоминается въ отчетѣ этого года[2]. Впервые въ 1835 г. на пополненіе археологическихъ и рукописныхъ коллекцій были ассиг-

[1] Essai sur la Bibliothèque et le Cabinet de curiosités et d'histoire naturelle de l'Académie des Sciences de St. Pétersbourg, par Jean Bacmeister. 1776. 8°.

[2] Dorn, Das Asiatische Museum. St.-Petersburg 1846, S. 64.

нованы средства, а именно въ размѣрѣ 2000 руб., изъ которыхъ, конечно, лишь незначительная часть могла достаться библіотекѣ. Въ 1829 и 1837 гг. были пріобрѣтены государемъ Николаемъ I у наслѣдниковъ барона Шиллинга фонъ-Канштадта и подарены Музею двѣ коллекціи, въ которыя помимо сочиненій на дальне-восточныхъ языкахъ вошло также сравнительно большое число цѣнныхъ европейскихъ книгъ по языкознанію, исторіи, географіи и востоковѣдѣнію[1], такъ что въ 1844 г., по истеченіи перваго 25-лѣтія Музея, библіотека насчитывала 2516 названій въ 3067 томахъ[2]. Въ настоящее время алфавитный каталогъ, начатый въ 1882 г. профессоромъ Грубе, состоявшимъ въ то время ученымъ хранителемъ Музея, и продолженный его преемникомъ, нынѣ покойнымъ О. Э. Леммомъ, содержитъ приблизительно 35.000 названій, при чемъ выдѣлены и размѣщены по соотвѣтствующимъ отдѣламъ изданія, не носящія европейскихъ заглавій, хотя напечатанныя въ Европѣ и изданныя европейскими учеными; выдѣлены также изданія на инородческихъ языкахъ Переводческой Комиссіи Православнаго Миссіонерскаго Общества и переводы Священнаго Писанія. Періодическихъ изданій и серій, образующихъ особый подъотдѣлъ, насчитывается круглымъ счетомъ 500 названій, среди нихъ большое количество многотомныхъ, нѣкоторыя, содержащія сотни томовъ.

Не входятъ въ это число еврейскія, армянскія, грузинскія, татарскія, персидскія, арабскія и новосирійскія, а также монгольскія, калмыцкія, корейскія, китайскія и японскія газеты, журналы и серіи, въ свою очередь составляющія такое же количество названій. Общее число научныхъ книгъ на европейскихъ только языкахъ скорѣе превышаетъ, чѣмъ не достигаетъ 70.000.

---

[1] Dorn, Das Asiatische Museum. St.-Petersburg 1846, S. 474.

[2] Ibid., S. 109.

Съ самаго начала библіотека Азіатскаго Музея не являлась публичной библіотекою по востоковѣдѣнію, а обслуживала главнымъ образомъ потребности представленныхъ въ Академіи дисциплинъ, чѣмъ и объясняется какъ сравнительная полнота однѣхъ, такъ и недостаточность другихъ отраслей востоковѣдѣнія. Такъ, напр., при весьма удовлетворительномъ состояніи мусульманскаго востока, спеціально иранскаго, и Китая или нумизматики до 80-ыхъ годовъ, скудно представлены, между прочимъ, Японія, Африка за исключеніемъ Египта, исторія искусства; и едва ли, къ сожалѣнію, примѣнимо къ характеристикѣ библіотеки въ наши дни то, что о ней писалъ Дорнъ въ отчетѣ за 1844 г., а именно: «Man wird in der Bibliothek nicht leicht irgend ein in Europa gedrucktes, Asien betreffendes Werk von Bedeutung bis auf die neueste Zeit herab, vermissen»[1].

Съ 1874 г. на содержаніе и пополненіе коллекцій ассигновывалось лишь 600 рублей, съ 1894 г. 1.100 рублей. Въ утвержденномъ въ 1899 г. штатѣ предусматривалась на эту цѣль и на хозяйственные расходы сумма въ 3.800 рублей, а въ 1912 г., съ введеніемъ новыхъ штатовъ Академіи, на пополненіе коллекцій Азіатскаго Музея было отпущено не болѣе 5.000 рублей, что при ростѣ современной научной литературы по востоковѣдѣнію являлось, конечно, далеко недостаточнымъ. Въ виду этого нынѣшній директоръ счелъ своевременнымъ возбудить вопросъ о пересмотрѣ кредитовъ и можно надѣяться, что впредь систематическое восполненіе лакунъ не будетъ тормозиться отсутствіемъ средствъ.

Въ 1902 г. Музей былъ временно переведенъ въ нынѣшнее, теперь уже весьма тѣсное и во многихъ отношеніяхъ неудо-

[1] Ibid., S. 142.

влетворительное, помѣщеніе въ ожиданіи окончательнаго переѣзда въ спеціально выстроенное новое зданіе объединенныхъ академическихъ библіотекъ, въ настоящее время еще занятое связанными съ войною организаціями.

Если, несмотря на скудость предоставленнаго Музею до новѣйшаго времени бюджета, библіотека все-таки успѣла разрастись до нынѣшнихъ размѣровъ, то это достигалось не столько нормальнымъ, такъ сказать, способомъ выписыванія книгъ, сколько путемъ обмѣна академическихъ изданій, приношеніями русскихъ и иностранныхъ авторовъ и, last not least, включеніемъ цѣликомъ частныхъ библіотекъ, унаслѣдованныхъ по завѣщанію или пріобрѣтенныхъ у наслѣдниковъ академиковъ и другихъ ученыхъ. Первой въ очереди таковыхъ является пріобрѣтенная въ 1837 г. «II коллекція Шиллинга», о которой была рѣчь выше, затѣмъ въ 1852 г. поступили въ Музей богатая библіотека его перваго директора Френа, въ которую входитъ часть книгъ его учителя Tychsen, въ 1881 г. не менѣе значительныя собранія академика Дорна и въ 1884 г. академика Броссе со всѣми оставшимися отъ названныхъ ученыхъ рукописными матеріалами, бумагами и ученою перепискою. Въ 1902 г. была пріобрѣтена часть книгъ по китаевѣдѣнію академика В. П. Васильева; также перешли въ собственность Музея библіотеки — въ 1900 г. д-ра Бретшнейдера, въ 1904 г. проф. А. О. Ивановскаго и консула Дмитревскаго. Въ 1902 г. семья барона В. Г. Тизенгаузена пожертвовала Музею драгоцѣннѣйшую его библіотеку, главнымъ образомъ по исторіи Востока и нумизматикѣ. Въ 1914 г. по завѣщанію поступили лингвистическая и востоковѣдная части библіотеки академика В. Ѳ. Миллера.

Въ 1908 г. баронесса О. Ѳ. Розенъ передала Музею восточныя рукописи, бумаги и переписку академика В. Р. Розена (дирек-

тора Музея съ 1881—1882), въ то время какъ его печатныя книги были завѣщаны восточному семинарію Университета. Въ 1911 г. была пріобрѣтена богатѣйшая коллекція книгъ покойнаго проф. Д. А. Хвольсона (среди нихъ 40 еврейскихъ рукописей). Послѣдніе годы особенно изобиловали обогащеніями, связанными, увы, со смертью близкихъ Музею ученыхъ. Такъ, въ 1916 г. была пріобрѣтена богатая спеціально по отдѣлу иранистики библіотека долголѣтняго (съ 1889—1916) директора К. Г. Залемана. Въ текущемъ году Музей обогатился востоковѣдной, спеціально туркологической частью библіотеки скончавшагося въ маѣ мѣсяцѣ академика В. В. Радлова (состоявшаго съ 1886—1889 г. директоромъ Музея). Послѣднимъ пріобрѣтеніемъ является богословскій, египтологическій и коптологическій отдѣлы скончавшагося въ іюнѣ мѣсяцѣ члена-корреспондента Академіи О. Э. Лемма, въ теченіе 35 съ лишнимъ лѣтъ посвятившаго лучшія свои силы Азіатскому Музею въ качествѣ его старшаго ученаго хранителя.

Всѣ эти собранія содержатъ кромѣ книгъ также и рукописные матеріалы, бумаги и переписку покойныхъ ученыхъ.

Неумолимою рукой смерть коситъ порѣдѣвшіе ряды русскихъ востоковѣдовъ. Но духъ ихъ не умеръ. Онъ живетъ въ ихъ трудахъ, онъ рѣетъ надъ собранными ими книжными сокровищами. Книги эти сопровождали ученыхъ на путяхъ ихъ собственнаго творчества, онѣ же будутъ служить путеводителями пришедшимъ на смѣну поколѣніямъ, устанавливая непрерывную связь между прошлымъ и будущимъ внѣвременной науки, перекидывая мостъ съ порога ушедшаго въ вѣчность столѣтія, къ грядущимъ.

Азіатскій Архивъ.

Азіатскій Архивъ, какъ по новому дѣленію называется прежній IX, а потомъ III Отдѣлъ Музея составляетъ одну изъ любопытнѣйшихъ частей его, лишь въ весьма малой пока мѣрѣ использованную, и, вслѣдствіе крайней сложности приведенія ея въ порядокъ, далеко еще не благоустроенную. Въ этомъ Отдѣлѣ мы имѣемъ бумаги и переписку длиннаго ряда русскихъ востоковѣдовъ, начиная съ перваго изъ нихъ Байера. Въ послѣднее время все яснѣе становится, какое значеніе имѣетъ для планомѣрности научной работы тщательное изученіе исторіи и методовъ каждой дисциплины, изучать которыя надлежащимъ образомъ можно лишь знакомясь съ самою интимною стороною работы ученыхъ такъ, какъ намъ вполнѣ обнаруживаютъ ее и неизданные матеріалы и переписка ученаго, гдѣ онъ высказывается гораздо свободнѣе, а часто и опредѣленнѣе, чѣмъ въ печатныхъ трудахъ. Азіатскій Музей поставилъ себѣ въ этомъ отношеніи цѣлью собрать и описать возможно большее количество матеріаловъ по исторіи русскаго востоковѣдѣнія, не исключая, конечно, и матеріаловъ по исторіи востоковѣдѣнія вообще, изъ которыхъ нѣкоторые уже находятся въ Азіатскомъ Музеѣ.

Для XVIII вѣка кромѣ бумагъ Байера укажемъ еще на матеріалы Кэра, Мессершмидта, Палласа, Д. Кантемира, Іерига, томъ съ письмами іезуитовъ изъ Китая и др.

Для XIX вѣка мы имѣемъ по мусульманскому міру драгоцѣннѣйшіе и обширнѣйшіе матеріалы Фрэна, бар. В. Г. Тизенгаузена, барона В. Р. Розена[1], Вельяминова-Зернова и др.

1 Ср. И. Ю. Крачковскій, Опись бумагъ барона В. Р. Розена, поступившихъ въ Азіатскій Музей Россійской Академіи Наукъ. ИРАН 1918, 1323.

По Дальнему Востоку: о. Іакинѳа Бичурина, бар. Шиллинга фонъ-Канштадта, Я. И. Шмидта, В. П. Васильева, д-ра Э. В. Бретшнейдера, А. О. Ивановскаго, Б. Я. Владимирцова, Ц. Ж. Жамцарано и Б. Б. Барадійна; по Индіи: Г. Лебедева, Р. Ленца, И. П. Минаева, К. А. Коссовича и др.

По средней Азіи и турецкимъ народамъ до ислама: Ч. Валиханова, Н. Ѳ. Петровскаго, В. В. Радлова, С. М. Дудина, Д. А. Клеменца, М. М. Березовскаго, Чернышевскаго и др.

По иранской филологіи и особенно по діалектологіи: Б. Дорна, П. И. Лерха, Жабы, В. Ѳ. Миллера, К. Г. Залемана (въ Музей поступила и обширная переписка покойнаго ираниста), В. А. Жуковскаго, А. А. Половцова и М. С. Андреева (по нарѣчіямъ Памира), И. И. Зарубина (по нарѣчіямъ Памира) и др.

По Кавказу и Христіанскому Востоку: Броссе, Дюбуа де Монперре, Кестнера, Шопена, Бартоломея, кн. Лобанова-Ростовскаго, Лемма и др.

По языкамъ сибирскихъ инородцевъ: В. В. Радлова, большія собранія В. И. Іохельсона и В. Г. Богораза[1].

Этимъ краткимъ перечнемъ далеко не исчерпывается богатство этого отдѣла, въ которомъ имѣется еще цѣлый рядъ и другихъ единичныхъ, пока еще неизданныхъ работъ русскихъ и иностранныхъ востоковѣдовъ. Мы хотѣли только намѣтить общій характеръ этой части Музея. Опись этого отдѣла составляется, при чемъ значительное время займетъ подборъ и описаніе многихъ тысячъ писемъ востоковѣдовъ, какъ давно поступившихъ, такъ и продолжающихъ поступать въ Музей, особенно обильно за послѣдніе годы.

[1] Описи этимъ собраніямъ составлены и будутъ вскорѣ напечатаны въ «Извѣстіяхъ» Академіи.

Мусульманскій Міръ.

АРАБСКІЙ ОТДѢЛЪ.

Наиболѣе цѣнной частью арабскаго отдѣла, какъ и вообще всего мусульманскаго, является его рукописная коллекція. Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ не только относительное значеніе, занимая первое мѣсто въ Россіи, но и абсолютное, достойно выдерживая сравненіе съ наиболѣе извѣстными книгохранилищами запада. Такое полноправное положеніе было признано западными коллегами уже въ первое десятилѣтіе существованія Азіатскаго Музея. Параллель съ западомъ здѣсь, быть можетъ, особенно поучительна. Какъ извѣстно, въ наиболѣе крупныхъ центрахъ арабскихъ рукописныхъ собраній (Лейденѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Римѣ, Берлинѣ) систематическое собираніе и объединеніе арабскихъ манускриптовъ началось съ первыхъ десятилѣтій XVII вѣка; Россія въ этомъ смыслѣ отстала не меньше, чѣмъ на два столѣтія, и только цѣлый рядъ счастливыхъ обстоятельствъ позволилъ ей быстро нагнать такое опозданіе. Правда, уже въ XVIII вѣкѣ — около 1776 года опредѣленно говорится о существованіи мусульманскихъ рукописей среди академическихъ собраній; къ сожалѣнію и здѣсь, и въ дальнѣйшемъ не всегда ближе указывается языкъ, на какомъ эти рукописи написаны. Однако, и къ началу XIX вѣка европейская литература о востокѣ и мусульманскія рукописи являются частью, наиболѣе слабо представленной въ академическихъ учрежденіяхъ. Къ осно-

ванію Азіатскаго Музея такихъ рукописей насчитывается всего 3—4 десятка, преимущественно богословскаго и грамматическаго содержанія, отражающихъ, главнымъ образомъ, культурный уровень русскихъ мусульманъ.

Основаніе Азіатскаго Музея оказывается новой эрой. Если исторія его организаціи навсегда останется связанной съ именемъ перваго директора Френа, то исторія арабскаго рукописнаго собранія такъ же будетъ связана съ двумя коллекціями Руссо, поступившими въ Музей, можно сказать, на другой же день послѣ его открытія въ 1819 и 1825 году; онѣ сразу увеличили скромную цифру нѣсколькихъ десятковъ до 851 номера. Руссо, крупный французскій дипломатъ и не безызвѣстный ученый полувосточнаго происхожденія, имѣлъ возможность составлять свою коллекцію на мѣстахъ службы (въ Алеппо и Багдадѣ) въ ту эпоху, когда арабскія страны не подвергались еще систематическому выкачиванію литературныхъ сокровищъ и когда рѣдкіе съ научной точки зрѣнія труды не представляли рѣдкости на мѣстахъ. Благодаря этому, фондъ Руссо оказался не только однимъ изъ наиболѣе крупныхъ въ количественномъ отношеніи пріобрѣтеній Музея, но и единственнымъ до нашихъ дней въ смыслѣ научной цѣнности. И впослѣдствіи часто попадаются отдѣльныя рукописи выдающагося значенія, но такого собранія рѣдкостей арабистъ уже не встрѣтитъ. Явленіе находитъ себѣ параллель въ исторіи западно-европейскихъ книгохранилищъ: — научный центръ тяжести, напримѣръ, Лейденской библіотеки представляютъ собранія XVII вѣка Голія и Варнера. Въ исторіи Азіатскаго Музея это объясняется еще тѣмъ, что позднѣйшія крупныя коллекціи шли не изъ арабскихъ странъ, а изъ Персіи, Средней Азіи и Закавказья, гдѣ школьная арабская традиція сильна, но произведенія классической арабской

литературы эпохи расцвѣта давно вытѣснены или сочиненіями на мѣстныхъ языкахъ или поздними компиляціями.

Количественно арабскія (и вообще мусульманскія) рукописи продолжаютъ, конечно, непрерывно расти и послѣ коллекціи Руссо. Азіатскій Музей дѣлается центромъ, который притягиваетъ къ себѣ рукописныя собранія почти всѣхъ русскихъ оріенталистовъ; въ видѣ отдѣльныхъ экземпляровъ или полными коллекціями поступаютъ въ него подарки или наслѣдства самого Френа, Сенковскаго — перваго русскаго арабиста въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, его преемника — волею судьбы перенесеннаго съ береговъ Нила на берега Невы шейха Тантави, перваго профессора исторіи востока Григорьева, его ученика Куна, профессоровъ Мухлинскаго, Березина, академиковъ Радлова, Ольденбурга, оріенталистовъ Лерха, Петровскаго, вплоть до крупнѣйшаго русскаго арабиста бар. Розена. Цифра 901, до которой дошли мусульманскія рукописи къ первому 25-лѣтію Азіатскаго Музея, къ его 75-лѣтію увеличивается почти вдвое; въ это уже время она начинаетъ расти почти въ геометрической прогрессіи — за періодъ съ 1889 года по 1914-й къ собранію прибавляется около 1000 рукописей. За послѣдніе годы присоединяется новый факторъ, обогащающій Азіатскій Музей — спеціальныя экспедиціи въ поискахъ рукописей въ мусульманскія страны и, наконецъ, военныя событія недавнихъ лѣтъ, когда Музей даетъ пріютъ остаткамъ погибающихъ въ военной грозѣ памятниковъ письменности. За эти годы создаются три крупныхъ коллекціи, заставляющія не только вспомнить собранія Руссо, но и превосходящія его количественно въ нѣсколько разъ — коллекція Богданова изъ Персіи, Иванова изъ Средней Азіи, Персіи и Индіи и, такъ называемая «Ванская» съ Кавказскаго фронта. Пропорція цифръ

здѣсь уже не та, что въ первомъ періодѣ: если коллекція Иванова заключаетъ въ себѣ 1057 номеровъ, то въ ванской однихъ арабскихъ свыше 1000. Достоинство всѣхъ ихъ не столько въ отдѣльныхъ экземплярахъ, сколько въ общемъ составѣ, характеризующемъ культурный уровень подарившихъ ихъ странъ за послѣдніе вѣка. Это, конечно, не мѣшаетъ и среди нихъ встрѣчать отдѣльные экземпляры выдающейся цѣнности.

Трудно было бы охарактеризовать современный составъ арабскихъ рукописей Азіатскаго Музея въ краткихъ словахъ, предназначенныхъ для не спеціалиста. Достаточно сказать, что среди нихъ представлены всѣ существующіе отдѣлы арабской литературы и въ каждомъ найдутся отдѣльные экземпляры, или отсутствующіе въ другихъ западно-европейскихъ книгохранилищахъ или почему-либо болѣе цѣнные по сравненію съ послѣдними. Извѣстное понятіе о старомъ фондѣ и въ частности о коллекціи Руссо даетъ работа бар. Розена[1], представляющая, къ сожалѣнію, до сихъ поръ единственный систематическій каталогъ арабской части, хотя и онъ обнимаетъ лишь около $^1/_{10}$ современнаго ея богатства.

Родина коллекціи Руссо не могла не отразиться на ея составѣ. Въ историко-географической, вообще очень цѣнной, части мы находимъ много произведеній сирійскихъ авторовъ или посвященныхъ Сиріи: такова «Мансӯровская исторія» ал-Ḥамавӣ — уникъ и, можетъ быть, автографъ (№ 159); «Исторія Алеппо» Ибн-ал-ʿАдӣма, скопированная съ автографа (№ 160); два сочиненія Ибн-Ḳāḍӣ Шухба, списанныя при

[1] Notices sommaires des Manuscrits arabes du Musée Asiatique par le baron Victor Rosen. Première livraison. St. Pétersbourg 1881. (Всѣ ссылки на номера рукописей въ дальнѣйшемъ даются по этому изданію).

жизни автора (№ 175 и 209); самая старая изъ существующихъ копій «Исторіи Ṣалāḥ-ад-дīна», тоже переписанная при жизни автора ʿЫмāд-ад-дīна (№ 158); копія знаменитой географіи Абӯ-л-Фидā, современная ему (№ 234); нѣсколько исторій Дамаска, малоизвѣстныхъ въ другихъ собраніяхъ (№ 239); три путешествія-дневника сирійскихъ ученыхъ-литераторовъ, не сохранившіяся въ другихъ рукописяхъ (№ 240—242); космографія ад-Димешкī (№ 222) и географическій словарь Йāкӯта (№ 229—232), не утратившіе своего значенія и послѣ европейскихъ изданій, и т. д. И въ другихъ областяхъ сирійское происхожденіе коллекціи иногда сказывается: попадается въ ней сборникъ стихотвореній ал-Мутанаббī, скопированный съ экземпляра библіотеки алеппскаго эмīра Сейф-ад-даула (№ 274); неизвѣстная въ другихъ собраніяхъ поэтическая антологія историка Египта Ибн-Тагрī-бердī, переписанная при его жизни, и т. д. Ошибочно было бы думать, что только съ упомянутой точки зрѣнія можно оцѣнивать старый фондъ; таковъ же будетъ результатъ знакомства съ любой частью. Мы найдемъ и знаменитую «Книгу пѣсенъ» — одинъ изъ лучшихъ списковъ (№ 244), и «Совершенную» литературную антологію ал-Мубаррада; встрѣтимъ древнѣйшую, можетъ быть X вѣка, рукопись стихотвореній поэта Джерīра (№ 262); рѣдкую редакцію произведеній Абу-Новāса (№ 263) или Абӯ-Теммāма (№ 265); рѣдкій комментарій на ал-Мутанаббī (№ 275). Иногда собраніе перенесетъ насъ неожиданно въ Испанію, когда мы столкнемся съ полнымъ экземпляромъ исторіи ал-Маққарī (№ 188), или откроемъ написанныя на испанско-арабскомъ діалектѣ пѣсни народнаго поэта Ибн-Ḳузмāна, рукопись которыхъ до сихъ поръ остается единственной въ Европѣ (№ 296), и испанскіе арабисты должны

обращаться на далекій сѣверъ за произведеніями своего земляка.

По началу этого перечня видно, между прочимъ, какъ много автографовъ заключаетъ коллекція Руссо: помимо упомянутыхъ, къ нимъ можно было бы присоединить не малое число и другихъ, принадлежащихъ различнымъ ученымъ и литераторамъ, тоже преимущественно сирійскаго происхожденія. Таковы, напримѣръ, извѣстный полигисторъ ас-Сафади (№ 287) и его сынъ (№ 166); историкъ и богословъ Ибн-Кади Шухба (№ 125); сынъ юриста ал-Булкайни (№ 125); неизвѣстный историкъ султана ал-Малика ан-Насыра (№ 164); путешественникъ-литераторъ Сукейкиръ (№ 241), и др. Не провѣреннымъ пока остается указаніе Френа[1] о наличіи автографа сирійскаго эмира Усамы, пользующагося въ Европѣ почетной славой за свою замѣчательную автобіографію.

Въ собраніяхъ Азіатскаго Музея найдетъ для себя благодарную пищу и историкъ мусульманской миніатюры, хотя, быть можетъ, не въ такомъ размѣрѣ, какъ въ персидскихъ рукописяхъ Публичной Библіотеки. Собраніе Руссо можетъ зато похвалиться иллюстраціями къ макамамъ ал-Харири, относящимися къ древнему періоду арабской живописи съ характерными чертами вліянія византійской иконографіи; только въ Парижскомъ собраніи Шефера встрѣчается однородный экземпляръ. Болѣе поздній періодъ представленъ неизвѣстнымъ въ Европѣ трактатомъ о военномъ дѣлѣ «Книга сокровищъ», иллюстраціи которой даютъ отчетливое представленіе не только о стратегіи, но и о пріемахъ охоты или спорта вплоть до попу-

[1] Das Asiatische Museum etc. Von dem Director desselben Dr. Bernh. Dorn. St.-Petersburg 1846, 289 и 293.

лярной игры въ поло[1]. Портреты византійскихъ императоровъ, принадлежащіе кисти «іерея Іосифа иконописца» (№ 190), переносятъ насъ въ періодъ расцвѣта христіанско-арабской письменности XVII вѣка подъ вліяніемъ энергичной дѣятельности антіохійскаго патріарха Макарія, современника Никона, хорошо извѣстнаго и Россіи. Тому же Іосифу принадлежитъ артистически выполненная копія Псалмовъ съ многочисленными миніатюрами (№ 1).

Если отъ характеристики мусульманско-арабскихъ памятниковъ перейти къ христіанскимъ, то придется признать, что собраніе Азіатскаго Музея не столь ими богато, такъ какъ они попадали въ разныя коллекціи, очевидно, случайно, а не подбирались систематически. Въ этомъ отношеніи Азіатскій Музей не можетъ соперничать съ Публичной Библіотекой, гдѣ находятся спеціальныя собранія Тишендорфа и еп. Порфирія Успенскаго; тѣмъ менѣе онъ могъ бы состязаться съ единственной въ своемъ родѣ коллекціей антіохійскаго патріарха Григорія, на передачу которой Азіатскому Музею изъ Зимняго Дворца есть нѣкоторая надежда. Все же и въ настоящемъ своемъ видѣ эта часть можетъ похвалиться нѣкоторыми памятниками. Распадается она на двѣ группы — древняго и новаго періода. Въ первомъ находимъ роскошный списокъ Евангелій (№ 3); рядъ переводовъ Іоанна Дамаскина (№ 5—6); трактаты одного изъ первыхъ по времени писавшихъ по-арабски богослововъ Павла Сидонскаго (№ 6); проповѣди несторіанскаго патріарха Иліи III (№ 10), считающіяся не превзойденными образцами арабскаго церковнаго краснорѣчія. Новый періодъ сталкиваетъ насъ съ упомянутой уже личностью антіохійскаго патріарха Макарія,

[1] Dorn, Das Asiatische Museum. St.-Petersburg 1846, 450—460.

дважды пріѣзжавшаго въ Россію при Алексѣѣ Михайловичѣ: его редакціи принадлежитъ переводъ двухъ сочиненій по византійской исторіи (№ 189—190), представляющихъ автографъ сына его архидіакона Павла, которымъ составлено и описаніе путешествія въ Россію. Растущій за послѣдніе годы фондъ фотографій Азіатскаго Музея обогатилъ цѣнными снимками именно эту часть. Теперь здѣсь находятся фотографіи съ двухъ рукописей вышеупомянутой коллекціи патріарха Григорія IV — историческихъ сочиненій того же Макарія; одна изъ нихъ, повидимому, автографъ послѣдняго. Въ такой же фотографіи представлена одна изъ старѣйшихъ версій мелькитскаго синаксаря, оригиналъ котораго хранится на Синаѣ.

Эти послѣднія поступленія Азіатскаго Музея съ отчетливостью показываютъ, что было бы несправедливо относить всѣ цѣнности арабскаго отдѣла на счетъ коллекцій Руссо. Накопленіе богатствъ продолжалось и дальше, хотя шло не столько пачками, сколько единицами. Благодаря стараніямъ Френа Азіатскій Музей въ дополненіе къ цѣнной уже исторической части получилъ хорошую копію «Золотыхъ луговъ» ал-Масʿӯдӣ (№ 219) и три тома всеобщей исторіи ал-ʿАйнӣ (№ 177). Если шіитскія рукописи были и въ коллекціи Руссо (№ 56, 61, 135), то съ 1839 года къ нимъ прибавились друзскія (№ 96—103), въ концѣ XIX вѣка бабидскія, а въ послѣднее время и исмаилитскія изъ Средней Азіи (коллекціи Зарубина и Семенова). Почти каждое собраніе, не смотря на средній общій уровень, приносило новыя уники, новые цѣнные списки. Достаточно сказать, что Лерхъ вывезъ изъ Средней Азіи «Книгу родословій» ас-Самʿāнӣ (№ 196), достойно соперничающую съ единственнымъ извѣстнымъ экземпляромъ въ Британскомъ Музеѣ; изъ коллекціи Богданова происходитъ рукопись «Хронологіи»

ал-Бīрӯнī, восполняющая существующія въ другихъ спискахъ лакуны. Коллекція Иванова принесла неизвѣстный въ Европѣ пятый томъ «Исторіи» Ибн-Мискавейха, рѣдкій сборникъ стихотвореній омейядскаго поэта бедуина Зӯ-р-Руммы, и т. д.

На ряду съ перечисленными рукописными богатствами долженъ отступить на задній планъ отдѣлъ арабской печати и литографіи. Въ противоположность другимъ мусульманскимъ частямъ, его достоинства не повышаетъ то обстоятельство, что въ Азіатскій Музей до послѣднихъ лѣтъ поступала полностью вся мусульманская печать Россіи изъ Поволжья, Средней Азіи, Кавказа и Крыма. Интересная для національныхъ мѣстныхъ литературъ, она сравнительно мало даетъ арабисту, такъ какъ отражаетъ только школьно-богословскую традицію, представленную обычными сочиненіями поздне-схоластическаго періода. Приблизительно то же можно сказать объ имѣющихся въ большомъ количествѣ персидскихъ и индійскихъ литографіяхъ. Цѣннѣе другія части — въ арабскомъ отдѣлѣ насчитывается нѣсколько образцовъ старо-печатныхъ римскихъ изданій знаменитой типографіи Медичи конца XVI вѣка и цѣнныхъ алеппскихъ изданій XVII вѣка, которыя можно считать своего рода арабскими инкунабулами. Значительно полнѣе ихъ представлены считающіяся теперь большой рѣдкостью на востокѣ изданія знаменитой булакской типографіи, основанной родоначальникомъ хедивской династіи Мухаммедомъ ʿАлī и въ первый періодъ стоявшей на большой высотѣ въ смыслѣ техническаго и научнаго достоинства выпускаемыхъ произведеній. Такъ же цѣнна почти полная коллекція изданій константинопольской газеты ал-Джавāибъ, редакторъ которой Ахмедъ Фāрисъ аш-Шидйāкъ, извѣстный арабскій литераторъ половины XIX вѣка, игралъ роль ли-

дера всей мусульманской общественно-политической прессы въ 60—70-хъ годахъ. На ряду съ Булакомъ и Константинополемъ въ такомъ же болѣе или менѣе систематическомъ подборѣ представлены изданія нѣкоторыхъ сирійскихъ типографій, въ частности знаменитой бейрутской католическаго Университета Св. Іосифа; среди послѣднихъ имѣется и считающееся шедевромъ, фотографическое воспроизведеніе въ одномъ томѣ большого трехтомнаго изданія Библіи. Другія арабскія страны отражены слабѣе, но все же имѣются образцы печати Багдада, Іерусалима, Мекки, Алжира и Туниса. Принявшія въ XX вѣкѣ систематическій характеръ сношенія съ египетскими книжными фирмами дали возможность за послѣдніе пятнадцать лѣтъ восполнить нѣкоторыя лакуны. Значительнымъ количествомъ произведеній представлена теперь въ Музеѣ современная изящная литература арабовъ, сильно разросшаяся за послѣднюю четверть вѣка, какъ въ ея прозаической, такъ и поэтической части. Особенно цѣннымъ результатомъ этихъ сношеній можно считать систематическій и довольно полный подборъ литографій изъ Феца, раньше совершенно отсутствовавшихъ въ Азіатскомъ Музеѣ. Онѣ вообще мало доступны, и въ Европу попадаютъ крайне рѣдко: въ извѣстной исторіи арабской литературы Брокельманна остаются не зарегистрированными почти всѣ послѣднія поступленія Азіатскаго Музея изъ этой области.

Въ противоположность рукописному и печатному фонду арабскаго отдѣла архивные матеріалы по арабистикѣ накапливаются уже съ XVIII вѣка, еще до открытія Азіатскаго Музея. Первый семитологъ и академикъ Байеръ оставляетъ рядъ интересныхъ рукописей и своихъ лично, и своихъ учителей: датскаго арабиста Іоханна Калліуса (Калленберга) и дамаскинца Саломона Негра. Среди нихъ мы находимъ, между прочимъ,

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

матеріалы по арабской діалектологіи — области, зарожденіе которой обыкновенно датируется XIX вѣкомъ, но одна изъ первыхъ работъ не случайно принадлежитъ двумъ упомянутымъ лицамъ. Такой же матеріалъ для діалектическихъ наблюденій даетъ громадный французско-арабскій словарь 1729 года, поступившій изъ коллекціи Руссо; онъ хорошо характеризуетъ народный языкъ Алеппо въ началѣ XVIII вѣка. Зарю арабистики XIX вѣка напоминаетъ тетрадка съ каталогомъ Гамбургскихъ рукописей, составленнымъ гимназистомъ П. Болеромъ, впослѣдствіи извѣстнымъ семитологомъ и индіанистомъ, который на 21 году жизни промѣнялъ карьеру камердинера и приказчика на гимназическую парту, о чемъ съ такой живостью разсказано въ его автобіографіи. Для характеристики архивнаго богатства матеріалами и неизданными произведеніями русскихъ арабистовъ достаточно назвать только два имени, связанныхъ съ началомъ и концомъ перваго столѣтія въ жизни Азіатскаго Музея — имена перваго директора Френа и арабиста Розена. Наслѣдіе Френа достаточно извѣстно по общимъ описямъ, хотя и далеко еще не разработано; бумаги Розена поступили въ Музей только въ 1917 году. Ихъ предварительная опись уже отпечатана и, несмотря на всю суммарность, можетъ показать, сколько цѣнныхъ матеріаловъ въ этомъ наслѣдіи ждетъ своего опубликованія.

Окидывая пройденный арабскимъ отдѣломъ путь и накопленныя имъ, особенно въ рукописномъ отдѣлѣ, богатства, нельзя не видѣть, что онъ очень быстро занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди европейскихъ собраній. Хотѣлось бы вѣрить, что во второмъ столѣтіи существованія Азіатскаго Музея еще быстрѣе пойдетъ разработка собранныхъ въ этомъ отдѣлѣ матеріаловъ, что найдется возможность и достаточныя научныя

силы для осуществленія въ первую очередь того предпріятія, мысль о которомъ лелѣялъ уже съ первыхъ лѣтъ своего директорства Френъ, и незначительная, въ сравненіи съ нынѣшнимъ составомъ, часть котораго такъ образцово выполнена Розеномъ. Это предпріятіе, становящееся съ каждымъ годомъ грандіознѣе, — полное научное описаніе арабскихъ рукописей Азіатскаго Музея.

ПЕРСИДСКІЯ РУКОПИСИ И ПЕЧАТНЫЯ КНИГИ.

Исторія персидскихъ рукописей Музея неотдѣлима отъ исторіи остальныхъ мусульманскихъ собраній. Исходную точку и здѣсь представляютъ упомянутыя двѣ коллекціи, пріобрѣтенныя въ 1819 и 1825 гг. у французскаго консула въ Рештѣ Руссо. Въ общей сложности онѣ содержали примѣрно 700 рукописей, изъ которыхъ больше одной трети персидскія. На ряду съ исторіею особенно хорошо представлена поэзія и изящная литература. Начиная съ роскошнаго списка Шахнамэ Фирдауси имѣется налицо вся блестящая плеяда поэтовъ, составляющихъ славу Персіи: Энвери, Хакани, Низами, Минучехри, Са'ади, Хафизъ, Аттаръ, Джелал-ед-динъ Руми, Джами и многіе другіе.

Дальнѣйшія приношенія и пріобрѣтенія стараго фонда связаны съ именами Френа, Вельяминова-Зернова, Ханыкова, Березина, Дорна, Графа, Фонтона, Кауфмана, Лерха, Куна и др. Однихъ дивановъ персидскихъ поэтовъ къ концу прошлаго столѣтія насчитывалось свыше 350. Хотя особенно старыми списками или автографами коллекція Музея похвалиться не можетъ — старѣйшими рукописями являются списокъ Низами, помѣченный 824 г. хиджры, диванъ Хафиза 951 г. и Шахнамэ Фирдауси, пріобрѣтенный Музеемъ отъ проф. В. А. Жуковскаго — однако попадаются не мало томовъ, написанныхъ художественно каллиграфически съ иллюстраціями-миніатюрами и изящными унванами на крапленой золотомъ бумагѣ. Выдающіеся по художественности рисунки встрѣ-

чаются въ персидской версіи книги Діоскорида по естествовѣдѣнію. Однако лучшими въ художественномъ отношеніи, чисто персидскими миніатюрами отличается не персидская, а грузинская рукопись, а именно Анвари Сухейли въ переводѣ царя Вахтанга VI (XVIII ст.). Помимо иллюстрацій въ рукописяхъ, въ архивѣ хранятся альбомы съ рисунками изъ персидскаго быта, не имѣющіе, однако, особенныхъ художественныхъ достоинствъ.

Въ послѣднюю треть минувшаго столѣтія, какъ и въ текущемъ, въ связи съ развитіемъ политической исторіи, главнымъ поставщикомъ персидскихъ рукописей является Туркестанъ, въ былое время одинъ изъ главнѣйшихъ центровъ персидской культуры. Вплоть до новѣйшаго времени старый фондъ Музея пополнялся изъ этого неисчерпаемаго, казалось до возникновенія войны, источника, о чемъ свидѣтельствуютъ вышеуказанныя, собранныя на мѣстахъ коллекціи стараго фонда, подробно зарегистрированныя въ составленныхъ К. Г. Залеманомъ «Новыхъ поступленіяхъ» и др. статьяхъ. Покойнымъ былъ задуманъ и нынѣшнимъ директоромъ проводится проектъ учрежденія при Академіи особаго фонда для систематическаго собиранія въ Туркестанѣ рукописей, на подобіе практикуемаго въ Индіи Search of manuscripts. Военныя событія, къ сожалѣнію, не благопріятствуютъ въ наши дни развитію подобнаго начинанія. Но ранѣе командированный въ два пріема въ Бухару и Туркестанъ младшій хранитель В. А. Ивановъ привезъ большую коллекцію мусульманскихъ рукописей, вмѣстѣ съ ранѣе имъ собранными въ Персіи и Индіи, превышающую 1.000 номеровъ, среди которыхъ большое количество персидскихъ. Чрезвычайно богатъ также историческій и географическій отдѣлы, которымъ академикъ В. В. Бартольдъ въ настоящемъ изданіи посвящаетъ спеціальный очеркъ.

Хорошо представлена лексикографія, гдѣ имѣется свыше 40 разныхъ цѣнныхъ ферхенговъ; подробности о цѣломъ рядѣ этихъ словарей можно найти въ изданіи К. Г. Залемана: Bericht über die ausgabe des Mi'jâr i Jamâlî (Mél. Asiat. IX (1887) 417 сл. passim). Не хуже представлены математика, естественныя науки, философія и богословіе. Сектантство, за исключеніемъ суфизма, входящаго въ подъотдѣлы какъ мистической поэзіи, такъ и этики, въ старомъ фондѣ было представлено небольшимъ собраніемъ бабидскихъ текстовъ, обогатившимся недавно однимъ, принесеннымъ въ даръ проф. К. В. Хилинскимъ, собственноручнымъ якобы посланіемъ (лаухъ) самого Баба; имѣлось также нѣсколько рукописей по маздеизму. Въ новѣйшее время и этотъ отдѣлъ чрезвычайно обогатился благодаря доставленнымъ, начиная съ 1906 г., Л. Ѳ. Богдановымъ изъ Персіи, а также собраннымъ В. А. Ивановымъ въ Бухарѣ коллекціямъ рукописей, а также пожертвованію А. А. Семенова. Этимъ значительнымъ приращеніемъ пополнились вообще всѣ отдѣлы персидскаго собранія. Отчасти весьма рѣдкимъ и трудно добываемымъ рукописямъ по сектантству, спеціально коллекціи И. П. Зарубина, В. А. Ивановымъ посвящена спеціальная работа подъ заглавіемъ: «Исмаилитскія рукописи Азіатскаго Музея»[1]. Вывезенныя съ Кавказскаго фронта рукописи описаны А. А. Ромаскевичемъ[2]. Въ 1880 г. поступило и съ тѣхъ поръ было значительно пополнено собраніе рисалатовъ, среди нихъ рядъ персидскихъ.

О пріобрѣтеніяхъ и приношеніяхъ новѣйшаго времени, среди нихъ о собраніяхъ Залемана, Радлова, Ольденбурга,

---

[1] ПРАН 1917, 389 сл.

[2] Ibid., 391 сл.

Поспѣлова, Петровскаго и др., можно найти свѣдѣнія въ спискахъ, составленныхъ К. Г. Залеманомъ.

Отдѣлъ персидскихъ литографій и печатныхъ книгъ количественно значительно отстаетъ отъ соотвѣтствующихъ отдѣловъ арабскаго и турецкаго. Объясняется это во-первыхъ сравнительно плохой постановкою печатнаго дѣла въ Персіи, — первая напечатанная въ Персіи (въ Тебризѣ) книга, Гулистанъ Са'ади, относится къ 1821 г., — во-вторыхъ бо́льшими затрудненіями въ сношеніяхъ съ Персіею, нежели съ остальными странами мусульманскаго востока. Среди имѣющихся въ Музеѣ персидскихъ печатныхъ и литографированныхъ книгъ преобладаютъ индійскія изданія.

ИСТОРИЧЕСКІЯ И ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ РУКОПИСИ.

Рукописное собраніе Азіатскаго Музея заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, цѣлый рядъ цѣнныхъ памятниковъ исторической и тѣсно связанной съ ней географической литературы мусульманъ. Даже въ наименѣе полно представленномъ отдѣлѣ арабскихъ рукописей мы видимъ нѣкоторыя Unica, какъ составленную въ Сиріи въ 631 г. х. хронику التاريخ المنصورى, соч. Мухаммеда ибн-Али ал-Хамави (№ 521)[1]. Среди другихъ арабскихъ историческихъ сочиненій, относящихся къ среднимъ вѣкамъ и къ западной Азіи, выдается крайне рѣдкій письмовникъ (руководство для оффиціальной переписки) Таки-ад-дина ал-Мухибби, составленный, въ концѣ 8-го вѣка хиджры, подъ заглавіемъ تثقيف التعريف بالمصطلح الشريف, въ видѣ дополненія къ труду ал-ʿОмари التعريف بالمصطلح الشريف[2] (рукопись поступила въ Музей еще въ 1819 г., изъ Багдада, изъ собранія Руссо[3]). Большую цѣнность представляетъ также хорошій экземпляръ обширной хроники ал-Айни (9-й вѣкъ х.) عقد الجمان[4].

Къ этимъ богатствамъ «Ancien fonds arabe» Музея присоединились за послѣднія десятилѣтія нѣкоторыя новыя, столь же

---

1 Rosen, Notices sommaires, № 159. Brockelmann I, 350.

2 В. Тизенгаузенъ, Сборникъ матер., относящихся къ исторіи Золотой Орды, стр. 331 сл. У Брокельмана сочиненіе Мухибби пропущено, и соотвѣтствующія страницы «Сборника» Тизенгаузена по ошибкѣ отнесены къ труду ал-ʿОмари (Brockelmann II, 141), о которомъ въ «Сборникѣ» говорится въ другомъ мѣстѣ (стр. 207 сл.).

3 Dorn, Das Asiat. Mus., Beilage 8 и 40 (особенно стр. 291).

4 Ibid., 745 сл. — Тизенгаузенъ, Сборникъ 475 сл.

цѣнныя пріобрѣтенія. Сюда принадлежатъ: 1) الآثار الباقية Бируни, изъ собранія Л. Ѳ. Богданова, 616 г. х.; этотъ классическій трудъ, какъ извѣстно, былъ изданъ въ Германіи по четыремъ, собственно по тремъ позднимъ спискамъ; экземпляръ Азіатскаго Музея даетъ возможность внести въ текстъ существенныя поправки и дополненія[1]; 2) تجارب الامم Ибн-Мискавейха (5-й вѣкъ х.), изъ собранія В. А. Иванова; экземпляръ 5-го тома (284 — 326 гг. х.), изданнаго Каэтани въ видѣ крайне неудовлетворительно исполненнаго факсимиле константинопольской рукописи (изъ библіотеки Св. Софіи). Экземпляръ Азіатскаго Музея, тщательно написанный, сплошь вокализованный, для будущаго критическаго изданія имѣетъ существенное значеніе[2]. Совершенно неизвѣстенъ въ западной Европѣ составленный въ Средней Азіи, на арабскомъ языкѣ, въ началѣ 8-го вѣка х. историко-литературный трудъ ملحقات الصراح, соч. Джемаля Карши, имѣющійся въ Музеѣ въ двухъ экземплярахъ[3].

Среди рукописныхъ экземпляровъ персидскихъ историческихъ сочиненій выдается рукопись 566 d — مجمع الانساب (8-го вѣка х.), автографъ автора Мухаммеда Шабангараи (8-го вѣка х.); рукопись была пріобрѣтена П. И. Лерхомъ въ Бухарѣ въ 1859 г.[4]. Существенную пользу при изданіи отдѣльныхъ частей جامع التواريخ Рашид-ад-дина принесла рукопись 566 a, хорошій списокъ этого классическаго труда, заключающій въ себѣ также его продолженіе, составленное анонимомъ

1 ИИАН 1912, 861—870. Ср. еще И. Крачковскій въ ХВ III, 225 сл.

2 ИИАН 1916, 539—546.

3 ЗВОИРАО XI, 283 сл. и XV, 271 сл.

4 К. Г. Залеманъ у W. Radloff, Das Kudatku Bilik. Theil I, Einleitung, S. XLIX.

въ 9-мъ вѣкѣ хиджры. Эпохѣ Рашид-ад-дина и Шабангараи принадлежитъ также географическій трудъ Хамдаллаха Казвини نزهة القلوب, имѣющійся въ Музеѣ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ, рукопись 603 bbc, принадлежитъ къ числу самыхъ старыхъ и цѣнныхъ списковъ[1] этого важнаго труда, критически до сихъ поръ не изданнаго.

Изъ вновь пріобрѣтенныхъ за послѣдніе годы историческихъ персидскихъ рукописей особенную цѣнность представляетъ рукопись 566 bc — экземпляръ крайне рѣдкаго (кромѣ петроградскаго экземпляра извѣстенъ только одинъ, рукопись Британскаго Музея Or. 1566)[2] анонимнаго труда (заглавіе его также не приводится), составленнаго для внука Тимура, Искендера[3]. Кромѣ того, вмѣстѣ съ рукописями покойнаго академика бар. В. Р. Розена въ собственность Музея перешла сдѣланная этимъ ученымъ фотографически-точная копія единственнаго въ своемъ родѣ памятника персидской географической литературы — حدود العالم анонимнаго автора 4-го вѣка хиджры, открытаго въ Бухарѣ въ 1892 г. А. Г. Туманскимъ[4].

Лучше всего, какъ и слѣдовало ожидать, представлена въ Музеѣ исторія новѣйшихъ средне-азіатскихъ ханствъ. Помимо великолѣпнаго экземпляра классическаго عبد الله نامه Хафизи-Таныша (рукопись 574 age)[5], собраніе заключаетъ въ себѣ рядъ сочиненій, иногда въ единственныхъ извѣстныхъ экземплярахъ, по исторіи Бухарскаго ханства; единственный полный

---

1 Имъ, между прочимъ, пользовался покойный В. А. Жуковскій при составленіи своего труда о Мервѣ (Развалины Стараго Мерва, стр. 56).

2 Rieu, Pers. Man. p. 1062 sq.

3 ИИАН 1915, 1365 сл.

4 ЗВОИРАО X, 121 сл.

5 О значеніи этого труда Н. И. Веселовскій въ ЗВОИРАО VI, 345 и въ некрологѣ В. В. Вельяминова-Зернова (изъ ЖМНП 1904), стр. 4 сл.

списокъ оффиціальной исторіи Хивинскаго ханства, доведенной, въ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ сочиненіяхъ, до 1872 г.[1]; нѣсколько трудовъ по исторіи Кокандскаго ханства, въ томъ числѣ единственный вообще существовавшій (копіи не было сдѣлано) экземпляръ труда муллы Авазъ-Мухаммеда[2]. Азіатскому Музею принадлежатъ также единственные извѣстные списки одного изъ трудовъ по новѣйшей исторіи Кашгаріи[3].

Рукописное собраніе Азіатскаго Музея, къ сожалѣнію, досихъ поръ не имѣетъ catalogue raisonné и потому извѣстно въ научномъ мірѣ гораздо меньше, чѣмъ оно заслуживало бы. Когда предполагалось созвать въ Петроградѣ въ 1918 г. международный конгрессъ историковъ, среди петроградскихъ оріенталистовъ возникла мысль о составленіи и изданіи ко дню открытія конгресса полнаго списка рукописей мусульманскихъ историческихъ сочиненій, хранящихся въ петроградскихъ собраніяхъ. Военныя событія сдѣлали невозможнымъ не только созывъ конгресса и выполненіе предположенной работы, но вообще изученіе рукописныхъ собраній, которыя большею частью были вывезены изъ Петрограда и до настоящаго времени еще не возвращены.

---

1 Mél. Asiat. X, 578 и Кауфманскій Сборникъ (Москва 1910), стр. 3 сл.

2 ЗВОИРАО XV, 272 сл.

3 Ibid., 236 сл. о рукописи 590 oi. Теперь въ Азіатскомъ Музеѣ имѣется еще другой экземпляръ того же сочиненія, изъ коллекціи покойнаго Н. Ф. Петровскаго (Петровскій, № 9). О другомъ, болѣе раннемъ трудѣ, съ котораго для Азіатскаго Музея были сдѣланы фотографическіе снимки, см. ЗВОИРАО XXII, 313 сл. и ИИАН 1916, 1239.

Иранъ.

Традиціонному со временъ Дорна интересу Азіатскаго Музея къ ирановѣдѣнію не измѣнилъ, конечно, и послѣдній его директоръ-иранистъ, покойный К. Г. Залеманъ. Благодаря его заботамъ къ имѣющимся богатымъ матеріаламъ по иранской діалектологіи Дорна (каспійскія нарѣчія, афганскій языкъ съ коллекціею рукописей), Лерха, Жабы, Макаша (курдскій языкъ) прибавились въ 1914 г. матеріалы по осетинской лексикографіи академика Вс. Ѳ. Миллера, составленные имъ въ сотрудничествѣ съ К. Г. Залеманомъ и барономъ Р. Р. Штакельбергомъ. Среди его бумагъ оказались и матеріалы по языку горныхъ евреевъ Кавказа.

Еще ранѣе, начиная съ 1902 г., поступили записи и матеріалы М. С. Андреева по памирскимъ нарѣчіямъ ягноби, шугни, язгулеми, дарвази, вахи, хуфи, сіяпуши, дополняющіе собранные самимъ К. Г. Залеманомъ спеціально по ягноби и шугни. Какъ извѣстно, почти готовая къ выпуску работа по ягноби К. Г. Залемана была имъ пріостановлена, и весь матеріалъ былъ самоотверженно переданъ издателямъ Grundriss der Iranischen Philologie, гдѣ соотвѣтствующій отдѣлъ составленъ главнымъ образомъ на основаніи матеріаловъ К. Г. Залемана.

Значительно пополнились имѣющіеся налицо матеріалы записями командированнаго Русскимъ Комитетомъ для изученія Средней и Восточной Азіи, совмѣстно съ покойнымъ профессоромъ R. Gauthiot на Памиры И. И. Зарубина, и еще недавно А. А. Половцевъ преподнесъ Академіи собранные имъ

и М. С. Андреевымъ цѣнные матеріалы по памирскимъ нарѣчіямъ.

Среди уйгурскихъ коллекцій Н. Н. Кроткова оказался рядъ отрывковъ на согдійскомъ языкѣ, открытомъ и расшифрованномъ всего лѣтъ двадцать тому назадъ. Согдійскій языкъ является самостоятельной, наравнѣ съ пехлеви, вѣтвью среднеиранскихъ языковъ. Къ работамъ по Берлинскимъ матеріаламъ, вывезеннымъ изъ Восточнаго Туркестана германскими экспедиціями Грюнведеля и Лекока и къ парижскимъ, привезеннымъ проф. Пелліо, присоединились изданія части отрывковъ Азіатскаго Музея К. Г. Залеманомъ (Manichaica II—V). Къ прежнимъ прибавляются два буддійско-согдійскихъ фрагмента, вывезенныхъ въ 1915 г. С. Ѳ. Ольденбургомъ изъ Дунь-Хуана (первый изъ нихъ изданъ въ 1918 году Ф. А. Розенбергомъ). Лѣтомъ 1918 года проф. В. Л. Котвичъ предоставилъ Музею снятые имъ въ 1913 г. новые эстампажи монгольскихъ надписей, среди нихъ и согдійской, съ трехъязычной карабалгасунской стелы, изданной В. В. Радловымъ въ Атласѣ Орхонской экспедиціи по собственнымъ снимкамъ.

Памятники древне-иранской письменности не были вовсе представлены въ Музеѣ, да и вообще до послѣдняго времени единственной въ Петербургѣ маздеистской (пехлеви-парси) рукописью считался томикъ Долгоруковскаго собранія Публичной Библіотеки. Издана рукопись въ 1878 г. К. Г. Залеманомъ, подъ заглавіемъ: Ueber eine Parsenhandschrift der Kaiserlichen Oeffentlichen Bibliothek zu St.-Petersburg, Leide 1878. При составленіи Н. Д. Мироновымъ каталога санскритскаго собранія было обнаружено нѣсколько санскритско-авестскихъ рукописей. Въ 1906 г. удалось пріобрѣсти для Музея пять маздеистскихъ руко-

писей, принадлежавшихъ извѣстному пехлевисту E. W. West. Особенно цѣннымъ является полный списокъ остатковъ пехлевійскаго Дѣнкарта, одной изъ важнѣйшихъ религіозныхъ книгъ зороастрійцевъ. Кромѣ рукописей въ коллекцію Веста входитъ нѣсколько печатныхъ книгъ на языкахъ авеста, пехлеви, парси, испещренныхъ его помѣтками. Помимо того, въ Музеѣ хранится цѣлый рядъ фотографическихъ факсимиле Мюнхенской коллекціи Haug'a, снимокъ старой копенгагенской рукописи Westergaard'a и одного Берлинскаго кодекса.

Въ 1916 г. В. А. Ивановъ уступилъ Музею свои записи по современнымъ нарѣчіямъ собственной Персіи[1]; имъ же былъ пріобрѣтенъ въ Бухарѣ рядъ еврейско-персидскихъ рукописей, составляющихъ вмѣстѣ съ ранѣе привезенными К. Г. Залеманомъ и доставленными проф. Денисономъ Россомъ, Л. Ѳ. Богдановымъ и В. А. Ивановымъ весьма цѣнную коллекцію. Въ текущемъ году вдова члена-корреспондента Академіи В. А. Жуковскаго предоставила Музею матеріалы покойнаго профессора по персидскимъ говорамъ.

Гордостью иранскаго отдѣла, однако, не столько съ точки зрѣнія языка, сколько въ смыслѣ археологіи, является базальтовая пирамидка-гиря съ клинописной надписью временъ Дарія. Она была пріобрѣтена въ окрестностяхъ Кермана нашимъ консуломъ А. А. Мюллеромъ въ 1904 г. О ней имѣется уже цѣлая литература; важнѣйшія работы дали F. Weissbach, Die sogenannte Inschrift von Kerman, BAS 1910, 481—486; ZDMG LXI 719 и 949 и A. V. Williams-Jackson въ Journ. of the American Or. Soc. XXVII p. 193, NY. 1906; Persia past and present p. 184, NY. 1906.

---

1 См. ИРАН 1918, 411 сл.

Въ 1908 г. монголо-сычуанская экспедиція, снаряженная Русскимъ Географическимъ Обществомъ подъ начальствомъ полковника П. К. Козлова (1907—1909), проникла въ развалины покинутаго города Хара-Хото. Внѣ крѣпостныхъ стѣнъ, въ Юго-Западномъ углу площади развалинъ, повидимому въ кварталѣ, предоставленномъ мусульманамъ, около развалинъ мечети были найдены 11 рукописныхъ фрагментовъ изъ которыхъ 4 персидскихъ, 4 арабскихъ и 3 сирійскихъ. Среди нихъ особый интересъ по объему и сохранности представляетъ сплошной листъ, образующій четыре страницы персидскаго текста in 8 maj. (31 × 20 сантим., текста 22 × 14). Это отрывокъ изъ сборника разсказовъ, извѣстнаго подъ названіемъ «Семи мудрецовъ» или «Китаб-и-Синдбадъ». Старинный почеркъ, скорѣе арабскій, чѣмъ персидскій, указываетъ на XIV в., или еще болѣе раннее время происхожденія списка; бумага довольно грубая, пожелтѣвшая, по всей вѣроятности не китайскаго, а мѣстнаго производства. Впервые было упомянуто объ этомъ текстѣ С. Ѳ. Ольденбургомъ (Матеріалы по буддійской иконографіи Хара-Хото. СПб. 1914, стр. 7).

Послѣ смерти К. Г. Залемана перешли къ Музею какъ всѣ его разностороннѣйшіе неизданные матеріалы по иранистикѣ и туркологіи, такъ и его неоконченныя работы. Среди нихъ являются особенно цѣнными трехтомный рукописный словарь-index по пехлевійскому языку и почти готовая къ выпуску еврейско-персидская версія съ комментаріемъ книги пророка Іезекіиля и др. Обработка того и другого поручена Академіею приватъ-доценту А. А. Фрейману.

Вмѣстѣ съ рукописными матеріалами К. Г. Залемана была включена въ Музей также его библіотека, представляющая весьма цѣнный отборъ книгъ спеціально въ области иранистики,

при чемъ многочисленные личные экземпляры снабжены цѣнными помѣтками, написанными его рукою. Выписывая книги по своей спеціальности для Музея, покойный К. Г. Залеманъ всегда считался съ переходомъ своей частной библіотеки въ составъ Музея; такимъ образомъ литература по ирановѣдѣнію въ настоящее время является по полнотѣ одной изъ лучшихъ частей нашей библіотеки.

Турки.

Въ Азіатскомъ Музеѣ представлены въ оригиналахъ или копіяхъ памятники всѣхъ главнѣйшихъ письменностей, существовавшихъ или существующихъ въ турецкомъ мірѣ, и большинства турецкихъ литературъ. Считая полезнымъ указывать при обзорѣ богатыхъ туркологическихъ матеріаловъ рукописнаго отдѣленія Музея и на пробѣлы въ нихъ, съ цѣлью тѣмъ самымъ способствовать ихъ заполненію со стороны учрежденій и лицъ, дорожащихъ дальнѣйшимъ развитіемъ Музея, отмѣтимъ отсутствіе османско-турецкихъ рукописей съ примѣненіемъ греческаго и армянскаго алфавитовъ, а также рукописей арабскихъ по алфавиту и бѣлорусско-польскихъ или украинскихъ по языку (параллельно съ арабскими и старо-турецкими текстами), обращающихся понынѣ среди татаръ Бѣлоруссіи, Литвы, Польши и Украины. Печатныя османско-турецкія произведенія въ греческой и армянской транскрипціяхъ въ Музеѣ имѣются.

I. — Енисейско-орхонскія надписи и рукописи.

Гипсовыя слѣпки нѣкоторыхъ изъ енисейско-орхонскихъ надписей, изображенныхъ, по выраженію В. Томсена, «турецкими рунами» и представляющихъ собою древнѣйшіе памятники турецкаго языка, выставлены за послѣдніе годы въ Музеѣ Антропологіи и Этнографіи имени Петра Великаго, въ Азіатскомъ же Музеѣ хранятся воспроизведенія главнѣйшихъ изъ этихъ надписей, исполненныя на холстѣ, бумагѣ, а также по

особому способу акад. В. В. Радлова. Основу собранія составляютъ результаты Академической экспедиціи въ Монголію 1891 года, а новѣйшія поступленія относятся къ путешествію В. Л. Котвича 1912 года на средства Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи. Изъ образцовъ рукописнаго примѣненія енисейско-орхонскаго, или турецко-руническаго алфавита, извѣстныхъ Европѣ благодаря восточно-туркестанскимъ открытіямъ начала XX вѣка, Музей обладаетъ всего однимъ, разорваннымъ на двое бумажнымъ обрывкомъ, который былъ пріобрѣтенъ въ 1909 году акад. С. Ѳ. Ольденбургомъ въ Кара-ходжа и изданъ въ слѣдующемъ году акад. В. В. Радловымъ [1].

II. — Турецко-уйгурскія рукописи.

Одно мѣсто въ книгѣ Девидса «A grammar of the Turkish language» (London 1832) даетъ поводъ предполагать, что уже въ XVIII в. Академія Наукъ могла обладать отрывками уйгурскихъ рукописей. Девидсъ сообщаетъ, будто бы молодой натуралистъ Соколовъ, бывшій, какъ извѣстно, спутникомъ Палласа въ его путешествіи по Россіи, нашелъ въ развалинахъ ойратскаго монастыря «Аблай-китъ» рукописные фрагменты «монгольскіе, тибетскіе, санскритскіе и уйгурскіе» (стр. XXXI), однако Абель Ремюза, описавшій довольно подробно исторію изученія названныхъ развалинъ, упоминаетъ лишь, со ссылками на источники, рукописи монгольскія тибетскія и санскритскія [2], въ отчетѣ же самого Соколова, обнародованномъ въ извлеченіяхъ Палласомъ [3], называются только монгольскіе и тангут-

[1] ИИАН 1910, 1025—1029.

[2] Recherches sur les langues tartares (Paris 1820), p. 229.

[3] Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. Zweiter Theil (St.-Petersburg 1773), S. 544—552. Ср. Кюперъ, Описаніе Тибета, II, вып. 1, стр. 27—28.

-скіе рукописи (стр. 551). Во всякомъ случаѣ, въ Азіатскомъ Музеѣ ни къ моменту его основанія, ни значительно позже, уйгурскихъ рукописей не имѣлось. Первыми поступленіями являются отрывки среди рукописныхъ матеріаловъ изъ Восточнаго Туркестана, вывезенныхъ Роборовскимъ и П. К. Козловымъ въ 1897 году и переданныхъ Музею Р. Географическимъ Обществомъ[1]. Въ томъ же году въ Музей было пожертвовано В. Л. Вяткинымъ арабское сочиненіе Замахшари «Мукаддемету-ль-эдеб» съ персидскими и уйгурскими глоссами (шифръ 432 d). Слѣдующіе уйгурскіе матеріалы были доставлены экспедиціей въ Турфанъ 1898 г. Д. А. Клеменца[2]. Достигшее нынѣ крупныхъ размѣровъ уйгурское собраніе Музея не заключаетъ въ себѣ вовсе чагатайскихъ литературныхъ произведеній въ уйгурской транскрипціи, относящихся преимущественно къ XV в. и разбросанныхъ въ незначительномъ количествѣ по библіотекамъ Западной Европы, а также золотоордынскихъ ярлыковъ, писаныхъ уйгурскимъ алфавитомъ. Въ Азіатскомъ Музеѣ хранятся почти исключительно находки изъ Восточнаго Туркестана, преимущественно буддійскаго, отчасти манихейскаго содержанія, и въ видѣ дѣловыхъ документовъ. Единственными документами изъ Западнаго Туркестана являются «нишанъ» (ярлыкъ) Омар-шейха, отца извѣстнаго Бабура, доставленный Музею акад. В. В. Бартольдомъ и изданный проф. П. М. Меліоранскимъ[3], и другой «нишанъ» той же эпохи и тоже изъ Ферганы, въ которомъ имя правителя разорвано.

Важнѣйшіе экземпляры уйгурскаго собранія Музея не только опредѣлены, но уже изданы или подготовлены къ изданію, и

[1] Nachrichten über die von der K. Akademie der Wiss. im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. St.-Petersburg 1899, S. 55.

[2] Ibid. 57.

[3] ЗВОИРАО XVI.

перечисленіемъ этихъ памятниковъ можно ограничиться въ настоящемъ краткомъ ихъ обзорѣ. Послѣ Роборовскаго, Козлова и Клеменца уйгурскія рукописи и ксилографы изъ Восточнаго Туркестана доставлялись Музею непосредственно или чрезъ Русскій Комитетъ Н. Н. Кротковымъ, А. А. Дьяковымъ, С. Ѳ. Ольденбургомъ, С. Е. Маловымъ и чрезъ Русское Географическое Общество д-ромъ Кохановскимъ. Кромѣ подлинниковъ въ Музеѣ имѣются фотографическія копіи съ уйгурскихъ документовъ, хранящихся въ Берлинѣ, и съ нѣкоторыхъ уйгурско-буддійскихъ рукописей, собранныхъ японскими путешественниками.

Въ «Bibliotheca Buddhica» изданы В. В. Радловымъ: уйгурская редакція сутры «Tišastvustik» изъ коллекціи Кроткова съ глоссами-брахми, разобранными барономъ А. Сталь фонъ-Гольстейномъ (BB. XII, 1910); «Kuan-ši-im Pusar», турецкій переводъ XXV главы китайской версіи сутры «Saddharmapuṇḍarīka» изъ коллекціи Дьякова; отрывокъ ксилографа — конецъ «Rājāvavādaka Mahāyāna Sūtra» изъ коллекціи Кроткова и другіе отрывки (BB. XIV, 1911); крупнѣйшая уйгурская рукопись Азіатскаго Музея и одна изъ крупнѣйшихъ въ европейскихъ собраніяхъ вообще — уйгурская редакція сутры «Золотого Блеска» (Suvarṇaprabhāsa), добытая Маловымъ въ 1910 году въ провинціи Гань-су и представляющая собою копію XVII в. въ X книгахъ (BB. XVII, 1913 — 1917, изданная при участіи Малова). Къ числу достопримѣчательностей уйгурскаго собранія Азіатскаго Музея принадлежитъ рукописный свитокъ изъ коллекціи А. А. Дьякова — манихейская молитва для паствы: «Хуастуанифтъ», первый дошедшій до насъ крупный манихейскій текстъ (изданъ съ переводомъ В. В. Радловымъ въ 1909 г.). Среди мелкихъ отрывковъ различныхъ коллекцій

Музея оказались части сутры «Восьми свѣтовъ», изданной по дефектной рукописи профессоромъ Ханеда въ Японіи.

Изъ дѣловыхъ документовъ, отчасти уже отпечатанныхъ въ невышедшемъ еще въ свѣтъ изданіи В. В. Радлова, необходимо отмѣтить объемистый скорописный свитокъ изъ коллекціи Кроткова — хозяйственныя записи одного уйгура (подготовлено къ изданію В. В. Радловымъ).

Сюда же могутъ быть отнесены образцы уйгурскаго подвижного деревяннаго шрифта, найденные С. Ѳ. Ольденбургомъ при раскопкѣ одной изъ пещеръ близъ Дунь-Хуана.

III. — Образчики манихейскаго письма.

Въ небольшой коллекціи доктора Кохановскаго оказался турецкій фрагментъ, писаный манихейскимъ алфавитомъ[1].

IV. — Сирійско-турецкіе памятники.

Работы Хвольсона, Радлова, Корша, Коковцова[2], касающіяся какъ всей совокупности сирійско-несторіанскихъ надгробныхъ памятниковъ XIII—XIV вв. въ Семирѣчьѣ, такъ и турецкой по языку ихъ части, дѣлаютъ излишнимъ хотя-бы и сокращенное сообщеніе о хранящихся въ Музеѣ камняхъ съ сирійско-турецкими надписями, которые являются съ 90-ыхъ годовъ XIX в. однимъ изъ видныхъ украшеній туркологическихъ матеріаловъ Музея. Среди восточно-туркестанскихъ рукописей Музея образчики турецкаго текста въ сирійской транскрипціи не отмѣчались.

---

[1] Salemann, Manichaica I. ИИАН 1907, 178.

[2] П. К. Коковцовъ, Къ сиро-турецкой эпиграфикѣ Семирѣчья. ИИАН 1909, 773 сл.

V. — Караимско-турецкія рукописи.

Небольшое, но цѣнное собраніе турецкихъ рукописей, писаныхъ еврейскимъ алфавитомъ, состоитъ главнымъ образомъ изъ пожертвованій акад. В. В. Радлова, который пріобрѣлъ эти матеріалы отъ Фирковича, въ Казани и отъ другихъ лицъ во время своихъ поѣздокъ въ Крымъ 1886 г. и къ троцкимъ и луцкимъ караимамъ 1887 г. Часть рукописей поступила въ Музей изъ библіотеки Радлова послѣ его смерти, въ 1918 г., при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ были подарены Радлову С. Е. Винеромъ, добывшимъ ихъ въ Одессѣ. Одна рукопись была пріобрѣтена для Музея чрезъ С. Е. Винера Фридляндомъ.

Собраніе распадается на отдѣлы: свѣтскій и религіозный. Въ первый входятъ сборники народной словесности крымскихъ караимовъ («меджмуа») числомъ 4 и одно стихотвореніе въ честь Николая I-го, сочиненное по древне-еврейски Симхой бенъ Авраамомъ и переведенное на караимско-турецкій языкъ Ананіемъ Авраамомъ Абковичемъ. Второй отдѣлъ состоитъ изъ сборниковъ религіозныхъ стихотвореній въ количествѣ 5, переводовъ ветхозавѣтныхъ книгъ числомъ 4 и одного словаря къ Библіи. Часть мелкихъ отрывковъ еще не опредѣлена. Старѣйшія рукописи собранія относятся къ XVII вѣку.

В. В. Радловъ отпечаталъ одинъ изъ сборниковъ народной словесности[1] (съ пропусками) въ т. VII «Образцовъ народной литературы тюркскихъ племенъ» и началъ, но не закончилъ изданіе нѣкоторыхъ пророческихъ книгъ[2].

---

1 Сборникъ этотъ помѣченъ въ рукописномъ указателѣ къ коллекціи, составленномъ К. Г. Залеманомъ, сложнымъ номеромъ 85 (7), который, по недосмотру, относится къ двумъ разнымъ рукописямъ; первая изъ нихъ, принадлежавшая Якову Еру, въ т. VII не вошла. Ср. Bull. de l'Acad. N. S. III (XXXV), p. 188 = Mél. As. X, livrais. 2, p. 292, № 46.

2 Ср. Mél. As. IX, 415.

Религіозный отдѣлъ коллекціи составляетъ по содержанію одно цѣлое съ печатными книгами, доставленными въ Музей В. В. Радловымъ, С. Е. Винеромъ и поступившими иными путями. Среди печатныхъ книгъ, еврейскихъ по алфавиту и турецкихъ по языку, имѣются и изданія крымчаковъ-талмудистовъ. Все ли вышеописанное рукописное собраніе происходитъ изъ караимской среды, или въ немъ представлена и крымчацкая литература, остается невыясненнымъ[1].

VI. — Турецкіе тексты въ грузинской транскрипціи.

Въ отдѣлѣ грузинскихъ рукописей Музея имѣются азербайджанско-турецкія стихотворенія армянскаго поэта Саятъ Нова въ грузинской транскрипціи.

VII. — Мусульманско-турецкія рукописи.

Изъ мусульманско-турецкихъ литературъ наиболѣе длительной и содержательной исторіей обладаютъ: среднеазіатско-турецкая, условно именуемая чагатайской, и османская, въ исходномъ своемъ періодѣ собственно малоазіатско-турецкая, и рукописные памятники этихъ двухъ литературъ, занимающіе въ своей совокупности главное мѣсто среди мусульманско-турецкихъ и вообще турецкихъ рукописей Азіатскаго Музея, должны быть разсмотрѣны особо. Литература азербайджанско-турецкая, намѣтившаяся въ XVI вѣкѣ, какъ результатъ литературныхъ вліяній чагатайскаго и османскаго на сѣверо-западную Персію временъ первыхъ сефевидовъ, принявшая болѣе значительные размѣры въ предѣлахъ Закавказья со средины XIX вѣка, при нѣкоторомъ воздѣйствіи русской литературы, и ставшая къ

[1] Ср. Mél. Asiat. IX, 269.

XX вѣку въ тѣснѣйшую зависимость отъ ново-османской литературы, особенно въ отношеніи языка,—представлена въ рукописяхъ Азіатскаго Музея довольно слабо (Хатайи, Фузули, Дербендъ-намэ, исторія Карабага и нѣкот. друг.). Литература крымско-татарская, ровесница предыдущей и, какъ и азербайджанская, связанная съ чагатайской литературой и особенно съ османской, тоже не дала Музею значительныхъ рукописныхъ памятниковъ. Богатая поволжско-татарская литература, развившаяся только за время со средины XIX вѣка до нашихъ дней, не могла явиться, при наличности книгопечатанія, привлекательнымъ объектомъ для собирателя рукописей. То же слѣдуетъ сказать и о литературѣ не-народной казакъ-киргизской, начавшей свое самостоятельное существованіе въ XX вѣкѣ. Изслѣдователи литературъ поволжско-татарской, казакъ-киргизской, ново-азербайджанской, ново-крымской, позднѣйшей среднеазіатско-турецкой и нарождающейся кумыцкой должны направить свое вниманіе на отдѣлъ восточныхъ печатныхъ и литографированныхъ изданій.

Небольшой коллекціей, собранной авторомъ этихъ строкъ, представлена въ Музеѣ литература среднеазіатскихъ туркменовъ, поэтическая и историческая, тяготѣющая отчасти къ азербайджанской, но болѣе къ чагатайской.

Изъ произведеній литературы египетскихъ кыпчаковъ (мамлюковъ), возникшей изъ среднеазіатско-турецкой до-чагатайской и вліявшей, повидимому, на раннюю малоазіатско-турецкую, въ Музеѣ имѣется только фотографическое воспроизведеніе поэмы XIV вѣка «Ферхадъ и Ширинъ», издавна хранящейся въ Національной Библіотекѣ Парижа и подготовляемой нынѣ къ изданію авторомъ этихъ строкъ. Сборникъ стихотвореній единственнаго до сихъ поръ извѣстнаго поэта Золотой Орды

Хорезми представленъ фотографической копіей съ рукописи Британскаго Музея.

Въ Азіатскомъ Музеѣ хранятся записи арабскимъ алфавитомъ, исполненныя туземцами, народно-литературныхъ произведеній поволжско-татарскихъ (коллекція В. В. Радлова), казакъ-киргизскихъ и кара-киргизскихъ.

А. — Среднеазіатско-турецкія рукописи.

Богатое количественно собраніе среднеазіатско-турецкихъ рукописей въ составѣ коллекцій Лерха, Граменицкаго, Радлова, Смирнова, Куна, Петровскаго, Ольденбурга, В. А. Иванова и отдѣльныхъ пожертвованій и покупокъ не выдается, за немногими исключеніями, въ качественномъ отношеніи.

Копія хранящагося въ Каирѣ списка «Кутадгу билигъ» въ арабской транскрипціи, исполненная въ новѣйшее время по заказу В. В. Радлова, заключаетъ въ себѣ старѣйшій изъ извѣстныхъ намъ памятниковъ мусульманской эпохи Турецкаго міра. Среди рукописей, вывезенныхъ въ 1914 г. Ахмедъ-Заки Валидовымъ изъ Бухары, имѣется въ высшей степени интересный тефсиръ на Коранъ, писаный смѣшаннымъ сѣверно-южно-турецкимъ, очень архаичнымъ языкомъ, при чемъ сѣверно-турецкіе элементы въ словарномъ отношеніи отчасти архаичнѣе, чѣмъ въ «Кутадгу-билигѣ». Произведенія старыхъ религіозныхъ поэтовъ Ахмеда Есеви и Хакимъ-ата представлены позднѣйшими списками. Изъ нѣсколькихъ рукописей «Кысасу-ль-энбія» Рабгузи (XIV в.) одна — довольно старая (XVI—XVII в.). Къ золотому вѣку чагатайской литературы (XV и начало XVI) относятся рукописи произведеній Лутфи, Невайи, Хусейна Мирзы Байкара (съ миніатюрами), Бабура, фотографическая копія

стихотвореній Секкаки по рукописи Британскаго Музея. Въ Азіатскомъ Музеѣ имѣется единственная въ мірѣ копія религіознаго месневи Бабура «Мубейинъ», принадлежавшая Березину; треть рукописи была издана Березинымъ, полное изданіе подготовляется составителемъ этого обзора. Достойны вниманія историческіе труды XVI в. «Теварих-и гузидэ нусретъ-намэ» изъ коллекціи Лерха (второй экземпляръ имѣется въ Британскомъ Музеѣ) и «Зубдету-ль-асаръ», переданный Музею В. В. Бартольдомъ, который получилъ рукопись въ подарокъ отъ А. Н. Вышнегорскаго (второй экземпляръ имѣется у В. Л. Вяткина).

Особенно богато представлена литература за послѣдующіе вѣка, свѣтская и религіозная (Суфи Алла-яръ, Хувейда, Сайкали, Диванэ-и Мешребъ и др.).

Коллекціи Лерха и главнымъ образомъ Куна доставили Музею собраніе, впослѣдствіи нѣсколько пополненное авторомъ этихъ строкъ, памятниковъ исторической и поэтической литературы Хивинскаго ханства за XIX в.; имъ же доставлены также изданія придворной хивинской литографіи. Въ Музеѣ имѣется нѣсколько копій извѣстнаго труда Абульгази (XVII в.) «Шеджерэ-и туркъ».

Благодаря преимущественно коллекціямъ Н. Ѳ. Петровскаго и С. Ѳ. Ольденбурга, въ Музеѣ значительно пополнились собранія памятниковъ кокандской литературы XIX в. и особенно восточно-туркестанской. Отмѣтимъ, между прочимъ, въ собраніи Петровскаго карту Китайскаго Туркестана и планы маршрутовъ изъ Яркенда въ Карашаръ и изъ Хотана въ Аксу.

Отдѣльно должны быть упомянуты собранныя главнымъ образомъ Куномъ, Смирновымъ и Ольденбургомъ «рисоля» туркестанскихъ ремесленниковъ. Собраніе анонимныхъ популярныхъ сказаній и романовъ значительно пополнилось

коллекціей В. А. Иванова, вывезенной въ 1915 г. изъ Бухары и заключающей въ себѣ кромѣ того немало копій различныхъ поэтовъ, начиная съ Невайи.

Б. — Малоазіатско-турецкія и османскія сочиненія.

На второй годъ своего существованія (1819) Музей пріобрѣлъ въ составѣ обширной коллекціи Руссо, кромѣ ряда позднѣйшихъ османскихъ сочиненій, такъ называемые сельджукскіе стихи Султана Веледа, включенные имъ въ персидское месневи «Ребаб-намэ». К. Г. Залеманъ, использовавшій эту рукопись въ своей статьѣ «Noch einmal die Seldschukischen Verse», нашелъ незадолго до своей смерти дополнительный матеріалъ по данному вопросу въ одной изъ персидскихъ рукописей Музея, но не успѣлъ его обнародовать. Извѣстный «стоглавъ» Ашикъ-паши «Гариб-намэ» имѣется въ Музеѣ въ двухъ спискахъ, доставленныхъ Вельяминовымъ-Зерновымъ и авторомъ этихъ строкъ, при чемъ второй списокъ былъ найденъ въ домѣ туркмена-сарыка въ Мервскомъ уѣздѣ Закаспійской губерніи. По мѣсту пріобрѣтенія и переписки интересенъ также среднеазіатскій списокъ «хуруфиста» Несими изъ бухарской коллекціи В. А. Иванова. Изъ раннихъ османскихъ и малоазіатско-турецкихъ оригинальныхъ и переводныхъ историческихъ трудовъ въ Музеѣ имѣются, между прочимъ: «Тарих-и ал-и Сельджукъ» Равенди, «Футухату-ш-Шамъ», исторія Табари. Послѣднимъ значительнымъ пріобрѣтеніемъ Музея по османской части является коллекція съ Кавказскаго фронта недавнихъ военныхъ дѣйствій, описанная П. А. Фалевымъ[1].

---

1 ИРАН 1918, 1619—1630.

Дальній Востокъ

КИТАЙСКІЙ И КОРЕЙСКІЙ ФОНДЫ.

Китайскій фондъ Музея состоитъ, во-первыхъ, изъ старыхъ коллекцій, собранныхъ первыми русскими китаевѣдами XVIII и XIX вв. (Ладыженскій, Разсохинъ, Бичуринъ, Леонтьевскій); во-вторыхъ, изъ библіотеки б. Азіатскаго Департамента, происходящей изъ такихъ же источниковъ; въ-третьихъ, изъ разныхъ коллекцій, случайно поступившихъ между 1890—1910 гг.; и, наконецъ, изъ коллекцій, собиравшихся спеціально для Музея. Отличительнымъ характеромъ первыхъ коллекцій служитъ ихъ однообразіе, объясняемое узкимъ кругомъ интересовъ ихъ собирателей, такъ что, при видимомъ количественномъ обиліи, эти коллекціи даютъ лишь небольшой матеріалъ для надлежаще оборудованнаго научнаго китаевѣднаго изслѣдованія. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что даже въ этой своей части китайскій фондъ Музея близко напоминаетъ соотвѣтственное содержаніе библіотеки Петроградскаго Университета.

Со стороны своей формы описываемый фондъ представленъ китайской книгой во всѣхъ ея видахъ, начиная съ рукописи и кончая типографскимъ наборомъ. Такъ, если не считать рукописями оттиски стэловыхъ надписей II—VI вв. по Р. Хр., сдѣланныхъ, конечно, рукою мастера непосредственно вслѣдъ за оригиналомъ, богатая коллекція С. Ѳ. Ольденбурга открываетъ собою основныя формы китайской книги рядомъ рукописей, привезенныхъ въ превосходной сохранности изъ Дунь-

Хуана и помѣченныхъ датами конца VI, VII, VIII, IX, X и XI вв. Далѣе, періодъ перехода рукописи въ печатную книгу отмѣченъ въ Музеѣ коллекціей оттисковъ со стэлъ-классиковъ (изъ Си-Ань-фу) редакціи 837 г., которая, особенно въ своей лексикографической части, привела къ первой ксилограммѣ. Затѣмъ, послѣ исключительныхъ по рѣдкости и интересу ксилограммъ X и XI вѣковъ, не потерявшихъ еще формы свитка, переходимъ къ обильному ряду Хара-хото'скихъ свитковъ-гармоникъ XII—XIII вв., вывезенныхъ П. К. Козловымъ и, наконецъ, къ нормальному виду китайской книги-ксилограммы, представляющей собою груду перегнутыхъ пополамъ односторонніхъ оттисковъ съ деревяннаго клише, которые прошиты по правому боку и сложены въ ящикъ-переплетъ, застегивающійся съ лѣвой стороны костяшками. Наконецъ, представивъ эту книгу-ксилограмму во всѣхъ ея формахъ, какъ обычныхъ, такъ и оригинальныхъ, какъ убогихъ, такъ и роскошныхъ, фондъ переходитъ къ современной борьбѣ ксилограммы съ литографіей и типографскимъ наборомъ печатныхъ подвижныхъ шрифтовъ.

Со стороны своего содержанія китайскій фондъ Музея располагаетъ, прежде всего, тѣмъ матеріаломъ, который можно въ настоящее время обильно черпать въ Китаѣ и Японіи, и пріобрѣтеніе котораго совершенно необходимо для всякой серьезной коллекціи. Это — библіотеки-серіи (цунъ шу), составленныя изъ воспроизведеній и перепечатокъ рѣдкихъ рукописей и книгъ, составляющихъ частную собственность владѣльца библіотеки или предпріятія. Объединенныя форматомъ и шрифтомъ, эти библіотеки-серіи публикуютъ сотнями и тысячами самыя разнообразныя сочиненія, принадлежащія то одному, то разнымъ писателямъ, и располагаемыя то въ однородномъ

составѣ, то въ самомъ прихотливомъ выборѣ. Планомѣрное пріобрѣтеніе китайскихъ книгъ должно использовать эти богатства Китая въ первую очередь.

Обильный матеріалъ для китаевѣда-изслѣдователя доставляется также большимъ собраніемъ полигисторовъ и полиграфовъ, то заключенныхъ въ серіи, то разбросанныхъ по отдѣльнымъ книгамъ и статьямъ, и сообщающихъ намъ все то новое и оригинальное, что приходитъ на мысль китайскому ученому при его пожизненномъ чтеніи необъятной литературы. Ни одна область китаевѣднаго изслѣдованія не проходитъ мимо этого матеріала, какъ и мимо извѣстныхъ огромныхъ китайскихъ энциклопедій, представленныхъ въ Музеѣ должнымъ образомъ и дающихъ изслѣдователю безконечно разнообразныя указанія вмѣстѣ съ матеріаломъ, который можетъ быть утерянъ въ оригиналѣ или не представленъ музейною наличностью. За ними надо поставить — также извѣстные — обширные библіографическіе своды, описывающіе китайскую книгу самымъ серьезнымъ образомъ, и представленные фондомъ Музея то въ видѣ императорскихъ изданій, въ которыхъ принимали участіе многіе десятки ученыхъ, то въ видѣ описаній частныхъ библіотекъ, то, наконецъ, въ видѣ коментированныхъ переизданій древнихъ библіографическихъ трактатовъ. Сюда же надо отнести каталоги библіотекъ-серій, упомянутыхъ выше, благодаря которымъ только и возможно планомѣрное пріобрѣтеніе послѣднихъ; затѣмъ, каталоги разныхъ многочисленныхъ издательствъ, китайскихъ библіотекъ, японскихъ университетовъ, indices expurgatorii послѣдней династіи и т. д. Библіографическая серія Музея завершается трактатами библіофиловъ, содержащими крайне важныя свѣдѣнія о китайской книгѣ, ея пріобрѣтеніи, заботѣ о ней и, наконецъ, о критикѣ ея текста.

Лексикографическая литература обратила на себя большое вниманіе старыхъ коллекцій Музея, представившихъ ее, главнымъ образомъ, количественно и, притомъ, въ той именно части, которая непосредственно отвѣчала заданію собирателей, составлявшихъ многочисленные китайско-русскіе словари, хранящіеся въ Музеѣ и не увидѣвшіе печатнаго свѣта. Въ фондѣ представлены, какъ древніе синонимическіе словари (типа Эр я), такъ и «Толкователь письменъ» Шо вэнь, словари «Категорій знаковъ» и т. д., въ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ и изданіяхъ. Словарь Канси, какъ наиболѣе извѣстный первымъ собирателямъ, представленъ оригинальными, отличными изданіями въ большомъ количествѣ. Зато, конкордансъ-словарь Пэй-вэнь-юнь-фу, какъ недоступный китаевѣдамъ XVIII—XIX вв., ими былъ обойденъ, и оригинальнаго его изданія Музей не имѣетъ, если не считать частичнаго къ нему дополненія. Орѳографическіе словари, давшіе начало книгопечатанію, тоническіе словари и трактаты о нихъ, которые надо разсматривать, какъ фонетическія работы, заключаютъ собою серію тѣхъ матеріаловъ, которыми китаевѣдъ-изслѣдователь долженъ быть снабженъ въ первую очередь.

Тѣ части китайскаго фонда, которыя являются непосредственными объектами изслѣдованія, открываются китайскими археологическими изслѣдованіями, на которыя обращали вниманіе всѣ собиратели Музея. Сюда относятся иллюстрированныя описанія императорскихъ коллекцій — шедевры ксилографіи, альбомы-каталоги и описанія частныхъ собраній «металла и камня», а также періодическія изданія, посвященныя воспроизведенію памятниковъ археологіи и искусства, выходящія за послѣднее время, подъ давленіемъ японскаго примѣра, въ Шанхаѣ. Особенно интересны иллюстрированныя изданія

результатовъ, добытыхъ позднѣйшими раскопками могилъ, альбомы натерокъ-эстампажей съ древнихъ зеркалъ, воспроизведенныхъ пайцзъ, печатей древнихъ дворцовыхъ кирпичей и черепицъ съ надписями и т. д. Наконецъ, исключительный научный интересъ возбуждаютъ пріобрѣтенные Музеемъ за послѣднее время воспроизведенія Дунь-Хуан'скихъ рукописей изъ находокъ Пелліо, а также старыхъ сунскихъ и юаньскихъ ксилограммъ.

Эпиграфія представлена въ Музеѣ, прежде всего, эстампажами Си-Ань'скихъ стэлъ, на которыя нанесены тексты тринадцати классиковъ танской редакціи 837 г., тексты, изображающіе исторію этихъ стэлъ и пріютившаго ихъ конфуціанскаго высшаго училища и разные другіе тексты. Имѣется цѣлая литература, посвященная этимъ «камнямъ-классикамъ», которая, вмѣстѣ съ обильными каталогами и воспроизведеніями стэлъ, разбросанныхъ по всему Китаю, позволяетъ съ достаточною полнотой углубиться въ этотъ важный отдѣлъ «камня», который усердно культивируется китайскою археологіей.

Къ этому надо еще присоединить трактаты о правилахъ и особенностяхъ эпиграфическаго стиля, которые могутъ быть полезны будущему составителю китайской стилистики и грамматики и, наконецъ, весьма интересные и цѣнные для фольклориста, историка религій, археолога и др., сборники по эпиграфіи китайскаго житейскаго обихода, которая, какъ-бы, фиксируетъ и стилизуетъ все многообразное проявленіе китайской живой старины среди волнъ новой жизни.

Палеографія и нумизматика, которымъ русскіе китаевѣды удѣляли нѣкоторое вниманіе, представлены въ Музеѣ обычными въ обиходѣ китайскихъ и европейскихъ ученыхъ сочиненіями, и только за послѣднее время удалось пополнить этотъ отдѣлъ

новыми изслѣдованіями и альбомами, могущими дать новыя направленія прежнимъ ученіямъ.

Литература по археологіи завершается историко-археологическими описаніями особо интересныхъ въ этомъ отношеніи мѣстностей, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ, императорскихъ мавзолеевъ и безчисленныхъ, затерявшихся въ современной глуши памятниковъ. Изслѣдователь обратитъ также вниманіе на археологическія послѣсловія (ба вэй), сопровождающія данное воспроизведеніе или описаніе, собираніе которыхъ нужно старательно продолжать.

На исторію Китая обратили вниманіе всѣ собиратели Музея, такъ что эта часть фонда въ основѣ своей представлена нормально, т. е. имѣются такъ называемыя оффиціальныя «исторіи династій» въ большихъ императорскихъ изданіяхъ XVIII и XIX вв., дополненія къ нимъ, въ видѣ расширенія отдѣловъ и главъ, очерковъ отдѣльныхъ періодовъ, критики ихъ текста и т. д. Живя въ Китаѣ въ эпоху процвѣтанія манчжурской династіи Цинъ, собиратели удѣлили большое вниманіе походамъ и завоеваніямъ этихъ властителей Китая, столь тщательно описывавшимся ими и издававшимся. Равнымъ образомъ, старательно собирали они тѣ изданія лѣтописныхъ «Зеркалъ правленія», которыя при Цинъ переводились на манчжурскій языкъ, тѣмъ болѣе, что русскіе китаисты XVIII и XIX вв. смотрѣли на манчжурскую версію едва ли не какъ на основную, ибо, боясь сложной китайской конструкціи, пониманіе текста основывали на простой и ясной конструкціи однообразно-агглютинативнаго языка съ алфавитною письменностью. Нормально представлены и другіе виды китайскаго историческаго повѣствованія, такъ называемыя «сводныя исторіи», «начала и концы», «историческія разсужденія» и т. д.

Въ доступной для настоящаго времени полнотѣ представлено извѣстное героическое сказаніе о началѣ монгольскаго завоевательнаго періода (Юань чао би ши), съ нѣсколькими комментаріями. Наконецъ, неудачные опыты «изъяснителей словъ», встрѣчающихся въ разныхъ «исторіяхъ», «исторіи въ стихахъ» и т. п., курьезное творчество манчжурскаго двора, оставило память по себѣ въ старыхъ коллекціяхъ описываемаго фонда.

Литература біографій состоитъ изъ собраній «разсказовъ о высокихъ монахахъ», знаменитыхъ чиновникахъ и воеводахъ, «добродѣтельныхъ матеряхъ», революціонерахъ и т. п., а главнымъ образомъ, изъ торжественно-лѣтописныхъ житій (нянь-пу) крупныхъ историческихъ и литературныхъ дѣятелей, — житій, переходящихъ иногда въ преувеличенный культъ личности и всего, что съ нею такъ или иначе связано. Сюда же относятся автобіографіи и родословныя. Очень важны для историка біографическіе словари и указатели, изданные отдѣльно или же въ серіяхъ и энциклопедіяхъ.

Трактаты хронологическіе и синхроническіе были очень нужны первымъ собирателямъ коллекцій Музея, и на многихъ изъ нихъ видимъ слѣды усердія читателя, которое, къ сожалѣнію, не вышло за предѣлы рукописныхъ помѣтокъ. Сложный вопросъ объ историческихъ перипетіяхъ китайскаго календаря, какъ принципіальнаго трактата, вычислителя и, наконецъ, альманаха, коллекціями нашего фонда представленъ довольно обильно, къ сожалѣнію, лишь въ своемъ послѣднемъ, наиболѣе доступномъ фазисѣ, не выходя изъ обычныхъ нормъ въ другихъ статьяхъ.

Географическія сочиненія, которыми Китай вправѣ особенно гордиться, представлены въ Музеѣ крайне случайно, что объясняется недостаточнымъ знакомствомъ первыхъ собирателей съ

тѣмъ превосходнымъ и разнообразнымъ матеріаломъ, который въ нихъ заключенъ. Упустивъ наилучшіе моменты для пріобрѣтенія этихъ нынѣ уже катастрофически исчезающихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, собиратели оставили географическую часть нашего фонда въ томъ видѣ, который доказываетъ и въ другихъ коллекціяхъ отсутствіе болѣе глубокаго научнаго интереса къ китаевѣдѣнію. Въ этомъ формальномъ, «нормальномъ» видѣ коллекціи состоятъ изъ обычныхъ изданій древнихъ географическихъ сочиненій, частичныхъ описаній Китая, по мѣстностямъ и эпохамъ, таблицъ, картъ и атласовъ (въ томъ числѣ составленныхъ европейцами или подъ европейскимъ вліяніемъ), общихъ обзоровъ «единой Имперіи», статистическихъ описаній, словарей-конкордансовъ, указывающихъ «измѣненія именъ-названій по династіямъ», описаній застѣннаго Китая, Тибета, Монголіи и вообще «Западнаго края», и наконецъ, описаній, составленныхъ въ подражаніе европейскимъ книгамъ, статьямъ и учебникамъ. За послѣднее время удалось пріобрѣсти нѣкоторыя важныя сочиненія китайскихъ писателей, спеціализировавшихся на географическихъ изслѣдованіяхъ, а также собранія-библіотеки географическаго содержанія, въ одно изъ которыхъ входитъ 1200 отдѣльныхъ статей, главнымъ образомъ, описаній и дневниковъ путешествій по Китаю и всему міру, путеводителей и т. п. Особенный интересъ приковываетъ изслѣдователя къ сочиненіямъ, въ которыхъ китайцы говорятъ о своихъ завоевателяхъ, путешествуютъ къ нимъ, изучаютъ ихъ. Таковы, напримѣръ, путешествія китайцевъ къ чжурчженямъ и киданямъ, ихъ изслѣдованія о происхожденіи монголовъ и особенно манчжуровъ, въ связи съ изученіемъ ихъ языка и обратно: съ изученіемъ манчжурами китайскаго языка. Послѣднее обстоятельство было съ особымъ усердіемъ учтено нашими первыми китаистами,

собирателями коллекцій Музея, изучавшими китайскій языкъ при помощи манчжурскаго и составившими свои пріобрѣтенія едва-ли не въ большей части изъ начальныхъ «манчжурско-китайскихъ разговоровъ», «манчжурско-китайскихъ разныхъ выраженій», «зерцала Цин'скихъ письменъ» и т. п., которыя и послужили, затѣмъ, матеріаломъ для многочисленныхъ манчжурско-китайско-русскихъ словарей, оставшихся въ рукописи и должнымъ образомъ, въ соотвѣтствіи съ достоинствомъ собраннаго матеріала и его ученической трактовки, забытыхъ. Всѣмъ извѣстно, до какихъ огромныхъ размѣровъ дошло усердіе манчжурскихъ завоевателей Китая въ переводѣ на свой языкъ сводной исторіи («Проникновеннаго зерцала»), классиковъ, романовъ, повѣстей и т. д. Наши первые китаевѣды воспользовались своимъ пребываніемъ въ Китаѣ въ эпоху расцвѣта этой переводческой дѣятельности, и сочувствуя ей со своей точки зрѣнія, пріобрѣли, какъ рукописи, такъ и ксилографическія изданія этихъ переводовъ, большей частью въ видѣ роскошныхъ императорскихъ билингвовъ-фоліантовъ, такъ что весьма внушительная часть первыхъ коллекцій описываемаго фонда запята именно этимъ содержаніемъ, сближающимъ ихъ съ миссіонерскими коллекціями, входящими въ Національную Библіотеку Парижа. Наконецъ, «изъяснители выраженій и словъ династійныхъ исторій» и не болѣе удачные словари полиглотты (китайско-манчжурско-монгольско-тибетско-санскритскіе и т. п.), а также собранія докладовъ инородческихъ старшинъ, запечатлѣвшія китайское воспріятіе иностранныхъ языковъ, представлены въ Музеѣ съ нѣкоторою полнотой, которую придется оцѣнить въ ближайшемъ будущемъ.

Среди обозрѣній иностранныхъ государствъ надо, конечно, упомянуть замѣтки о Россіи, частью оригинальныя, частью пере-

водныя, отнюдь не свидѣтельствующія объ интересѣ китайцевъ къ серьезному знакомству съ сѣвернымъ сосѣдомъ. Русскій переводчикъ «Исторіи Государства Россійскаго» на китайскій языкъ также вынужденъ былъ оставить свою рукопись на иждивеніе своихъ же соотечественниковъ, украсившихъ ею впослѣдствіи полку Азіатскаго Музея. Гораздо большій интересъ проявляютъ сокровища Музея къ описаніямъ китайскихъ инородцевъ, засѣвшихъ въ глубинѣ Гуйчжоу'скихъ, Сычуань'скихъ и Юньнань'скихъ горъ и доселѣ неокитаившихся. Эти альбомныя описанія дадутъ будущему китаисту-этнографу много интереснаго матеріала, хотя, конечно, главная толща послѣдняго лежитъ въ безконечныхъ полиграфахъ, врядъ ли поддающихся даже методической музейной регистраціи, и въ отдѣльныхъ чисто этнографическихъ монографіяхъ, пріобрѣтавшихся до сихъ поръ, однако, не болѣе, чѣмъ на началахъ курьезныхъ бездѣлушекъ.

Переходя теперь къ болѣе спеціальнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе крупнымъ отдѣламъ китайскаго фонда, останавливаемся, конечно, и прежде всего, на религіяхъ Китая, въ той или иной формѣ интересовавшихъ всѣхъ составителей нашихъ коллекцій. Конфуціанство привлекло ихъ, главнымъ образомъ, такъ называемыми классическими книгами, «книгами-основами» и лишь въ небольшой части своею культовой стороной, приближающей его къ религіи.

Положивъ въ основу своихъ собраній императорскія и другія наилучшія изданія конфуціанскихъ классиковъ, прежніе собиратели отнеслись къ нимъ съ пассивнымъ благоговѣніемъ, предоставляя имъ быть украшеніемъ коллекцій и сосредоточивъ свое вниманіе на многочисленныхъ варіантахъ обычныхъ изданій коментатора Чжу-Си, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ извѣстно, имѣется въ китайско-манчжурскихъ билингвахъ. Планомѣрное

привлеченіе критической, коментаторской и, вообще, изслѣдовательской литературы о классикахъ, стало особенно интенсивнымъ при большихъ поступленіяхъ въ фондъ Музея библіотекъ-серій, которыя, среди прочихъ частей своего разнообразнаго содержанія, всегда удѣляютъ мѣсто (иногда наиболѣе значительное) критикѣ текста классиковъ, наиболѣе рѣдкимъ коментаторамъ, трактатамъ объ этихъ коментаторахъ и другимъ, самымъ разнообразнымъ изслѣдованіямъ въ этой области. Для полноты собранія и очевидной (въ нѣкоторыхъ случаяхъ) полезности, въ коллекціи китайскаго фонда поступаетъ за послѣднее время много новыхъ популярныхъ толкованій классиковъ и учебниковъ, выпускаемыхъ современными издательствами и запечатлѣвающихъ, повидимому, новую эру въ отношеніи къ рутинной доселѣ старинѣ.

Та же половинчатость собирательной дѣятельности, то же слѣдованіе ощупью за общественнымъ и рыночнымъ литературнымъ декорумомъ, а также устремленіе за китайско-манчжурскимъ билингвомъ руководили собирателями стараго фонда и въ дальнѣйшихъ пріобрѣтеніяхъ книгъ по конфуціанству, особенно сунскому. Такимъ образомъ, въ фондѣ повторно и обильно представлены новоконфуціанскіе синтетическіе трактаты-билингвы, конфуціанскій катехизисъ трехсловныхъ фразъ (Сань-цзы-цзинъ), въ его двуязычной и трехъязычной версіяхъ, бесѣды и наставленія народу манчжурскихъ богдыхановъ въ роскошно изданныхъ билингвахъ и т. п. Зато, обрядовая и культовая, религіозная сторона конфуціанства вмѣстѣ съ иконографіей, а равно и вся изслѣдовательская литература представлены случайно и эпизодически, и дѣло отчасти поправляется путемъ обильныхъ притоковъ изъ библіотекъ-серій, хотя несомнѣнною надо считать необходимость планомѣрнаго пополненія

этого отдѣла, научныя судьбы котораго не должны отходить отъ русскаго китаиста, получившаго въ наслѣдіе скептицизмъ и тревожные вопросы перваго русскаго изслѣдователя конфуціанства, профессора и академика В. П. Васильева.

Литература по буддизму не избѣгла въ описываемомъ фондѣ общей судьбы его собраній, даже болѣе того: и случайныя поступленія первыхъ коллекцій, и погоня за красивыми изданіями въ библіотекѣ Азіатскаго Департамента не сочетались здѣсь съ заданіемъ какого бы то ни было ученаго. Поэтому, обладая изящными изданіями частей минскаго канона, старый фондъ не далъ его цѣлаго, и только за послѣдніе годы Музей пріобрѣлъ полный канонъ и его колоссальное дополненіе, вышедшее въ превосходномъ японскомъ изданіи. Популярный буддизмъ представленъ изданіями монастырскихъ лавокъ острова Авалокитешвары (Путо-шань) и книжками, листовками, картинами уличныхъ торговцевъ.

Даосская литература безъ даосскаго канона, и даже безъ частей его — вотъ картина этой части нашего китайскаго фонда. Только невозможностью достать сейчасъ это изданіе можно извинить этотъ крупный пробѣлъ, обрекающій изученіе даосизма, а вмѣстѣ съ нимъ и конфуціанства, не говоря уже объ этнографіи и религіи вообще, на утлое прозябаніе и частичное, случайное изслѣдованіе, ни на чемъ прочномъ не зиждущееся, ибо случайный подборъ толкователей на Лао-цзы и Чжуанъ-цзы, какъ бы онъ ни былъ разнообразенъ, не дастъ той картины величавой даосской мысли, какую можетъ уже теперь угадать интуиція европейца, а литургика, иконографія, мораль и популярныя листовки также требуютъ отчетливой полноты собраній, которой не помогутъ даже услуги библіотекъ-серій.

Литература ислама задѣта фондомъ лишь въ ничтожной

степени, такъ что собиратель, очутившись въ 1907 г. въ мечети Си-Ань-фу въ теченіе получаса могъ пріобрѣсти, — не имѣя, къ тому же, особаго интереса къ предмету въ его цѣломъ, — въ десять разъ болѣе того, что собрано въ Музеѣ. Страна Палладія Кафарова, крупнѣйшаго изъ китаистовъ исламовѣдовъ, не должна проходить мимо своего очередного заданія, пока оно еще выполнимо.

Христіанская литература, благодаря невольнымъ сотрудникамъ Музея, православнымъ миссіонерамъ, получила въ фондѣ весьма значительное мѣсто, которое, къ сожалѣнію, для синологіи почти безплодно.

Шаманство представлено лишь эпизодически однимъ билингвомъ объ оффиціальномъ изгнаніи духовъ, въ помѣщеніи министерства церемоній.

Переходя отъ доктринальныхъ религій, принципіально другъ отъ друга отмежевавшихся, къ народной, подлинной, синкретической и, въ существѣ своемъ, элементарной, находимъ, что ея литература не была въ описываемомъ фондѣ представлена старыми собирателями, гнушавшимися неизящныхъ вещей, не имѣвшихъ, къ тому же, въ ихъ глазахъ, — вслѣдъ за ничтожною рыночною, — никакой цѣны, и только экспедиція 1912 года привлекла въ коллекціи Музея рядъ книжекъ, гравюръ, листовокъ, посвященныхъ культу междурелигіозныхъ божествъ, особенно женскихъ, каковы, напримѣръ, Небесная Царица Святая Мать, покровительница рыбаковъ и мореходовъ, Мама-Няня, Чадоподательница, и, въ народномъ пониманіи, оженствленный Авалокитешвара. Разнообразное содержаніе этихъ печатныхъ отраженій народной религіозной души, молитвословы, обрядники, религіозно-заклинательныя и религіозно-моральныя листовки, отрывные оракулы, выдаваемые, какъ

вѣщаніе божества въ храмѣ, листовки гаданій на разные случаи жизни, астрологическіе, геомантическіе и др. листки и т. под. восполняетъ, хотя лишь отчасти, пробѣлъ фонда въ отношеніи народной религіи и фольклора, литература котораго дополнена еще трактатами о табу собственныхъ именъ, при готовомъ уже издавна наличіи, и даже обиліи, изданій разсказовъ чудеснаго содержанія, народныхъ энциклопедій, лечащихъ отъ всѣхъ болѣзней молитвами, заклинаніями, рецептами, вытянутыми вслѣдъ за оракуломъ-опредѣлителемъ судебъ жизни, народныхъ пѣсенъ, пословицъ и т. д.

Представивъ, такимъ образомъ, схематическую картину китайскаго фонда въ отношеніи къ литературѣ религій, изученіе которыхъ всегда находило и, надо надѣяться, всегда найдетъ себѣ въ Россіи достойныхъ адептовъ, переходимъ къ области изящной литературы, столь упорно отвергавшейся, какъ предметъ изслѣдованія, первыми русскими синологами. Какъ и слѣдовало ожидать, фондъ долгіе годы ограничивался великолѣпными изданіями, печатавшимися въ Пекинѣ подъ покровительствомъ богдыхановъ, не скупившихся на средства, особенно если они тратились на изданіе стихотворныхъ произведеній самихъ же царственныхъ жертвователей. Такимъ образомъ, фондъ раздѣлилъ судьбу китаевѣдѣнія прежняго времени, и къ изящной литературѣ питалъ такое же равнодушіе, какое питало къ ней и университетское преподаваніе, и китаевѣды на мѣстахъ. За послѣдніе годы, однако, было приступлено къ пріобрѣтенію переизданій и коментаторовъ на древнихъ авторовъ, при чемъ опорнымъ пунктомъ считалась дѣятельность наличныхъ китаевѣдныхъ силъ, могущихъ, при опредѣленномъ заданіи, сообщить пріобрѣтенію книгъ методическій характеръ. Такимъ образомъ, въ фондъ поступили и поступаютъ полныя собранія

произведеній крупныхъ литературныхъ именъ (Тао-Цянь, Ли-Бо, Хань-Юй, Су-Ши), издаваемыя какъ въ Китаѣ, такъ и въ особенно рачительной въ этомъ отношеніи Японіи; ихъ соединенія въ большія группы, съ сотней авторовъ и въ десяткахъ томовъ; собранія литературныхъ произведеній по династіямъ, эпохамъ, мѣстностямъ,—собранія, сохраняющія намъ многое изъ того, что не вошло въ оффиціальныя изданія (напр., изданія танскихъ писателей, которыя, какъ извѣстно, содержатъ многія сотни полныхъ собраній и т. д.). Сюда же относятся сборники всѣхъ родовъ поэзіи, какъ единоличнаго, такъ и коллективнаго творчества, и, наконецъ, хрестоматіи, начиная отъ царскихъ «выборокъ», внѣшне великолѣпныхъ, и внутренне произвольныхъ, и кончая хрестоматіями болѣе устойчивой традиціи, снабженныхъ, къ тому же, пространными примѣчаніями, парафразами, критическими рецензіями и т. д. Собиратели китайскаго фонда обратили вниманіе и на повѣствовательную изящную литературу, особенно на романы, при чемъ преимущественно на тѣ, что имѣлись въ двухъязычной версіи; имъ была также понятна необходимость имѣть собранія знаменитыхъ докладовъ государю, какъ верхъ литературной серьезности, и эпистолярные сборники, которые, однако, иногда смѣшиваются съ рыночною макулатурой.

Обильное пріобрѣтеніе библіотекъ-серій и планомѣрное пріобрѣтеніе дало возможность обогатить описываемый фондъ большимъ количествомъ произведеній китайской критической поэтики (ши-хуа), безъ внимательнаго изученія которой нельзя и думать о научной работѣ надъ какимъ-либо авторомъ, или даже литературнымъ сюжетомъ, не говоря уже о самой поэтикѣ. Можно, конечно, игнорировать непремѣнную особенность этихъ произведеній, желающихъ не столько изучить поэта,

сколько научить другихъ подражать ему, но и изъ этой особенности умѣлая рука извлечетъ тѣ же первоклассныя научныя цѣнности, что и изъ версификаторскаго «Дворца рифмъ» (Пэй-вэнь-юнь-фу), расшифровываемаго изучателемъ въ обратномъ порядкѣ его зашифровки мудрствующимъ начетчикомъ-версификаторомъ.

Съ изящнымъ словомъ и поэзіей тѣсно связанъ въ Китаѣ культъ живописи и каллиграфіи. Считается несомнѣннымъ, что литературная утонченность, пріобрѣтенная какъ личными способностями, такъ и суровой эрудиціей, создаетъ верховный «вкусъ къ внѣвкусовому», къ высшей эстетикѣ, обязательной и для художника и для каллиграфа, каковые обычно соединяются въ одномъ лицѣ. Китайскій фондъ не игнорировалъ этой важной статьи, и въ настоящее время, предоставляя оригиналы картинъ попеченію Музея Этнографіи, усиленно пріобрѣтаетъ превосходные альбомы, воспроизводящіе произведенія первоклассныхъ мастеровъ Китая, альбомы эстампажей и гравюръ, показательные трактаты о техникѣ живописи, особенно въ примѣненіи къ излюбленнымъ сюжетамъ (бамбукъ, сосна, слива), и, наконецъ, литературу о живописи и каллиграфіи, выражающуюся въ словаряхъ художниковъ, собраніи надписей, сопровождающихъ извѣстныя картины, и т. д. Сильно отставая въ этомъ отношеніи отъ европейскихъ хранилищъ, Музей, все же, располагаетъ рядомъ восхитительныхъ картинъ, иллюстрирующихъ китайскій бытъ, особымъ образомъ сочетавъ европейское указаніе съ чувствомъ туземца къ жизни своей расы.

Безучастное отношеніе къ предмету собиранія, столь характерное для большей части китайскаго фонда, постигло также и столь крупный и важный отдѣлъ, какъ каллиграфія, въ особен-

ности если на нее смотрѣть, какъ на флагъ, подъ которымъ идутъ тексты, иногда очень древніе, искусно слѣпленные съ гладкихъ плитъ и, дѣйствительно, производящіе впечатлѣніе «прописей бѣлыми чернилами (!) по черному фону», какъ значится въ каталогахъ. Такимъ путемъ въ фондъ пріобрѣтено много превосходныхъ оттисковъ съ плитъ, на которыхъ, не тревожа воображенія, могли бы спокойно почивать «прописи» и стихи богдыхана Цянь Луи'а, но всѣ тѣ археологическія и палеографическія цѣнности, которыя путемъ постояннаго эстампированія уничтожаются съ катастрофическою быстротой и пріобрѣтеніе которыхъ въ XVIII и XIX вв. могло бы составить крупную славу Музейному собранію, такъ и остались «прописями» на рынкахъ Пекина. Фондъ располагаетъ, однако, какъ упомянуто выше, оттисками съ «классиковъ-плитъ» и другихъ шедевровъ древней каллиграфіи, которыя интересны не только любителю этого искусства, но и ученому изслѣдователю. Кромѣ того, библіотекисеріи и спеціальныя пріобрѣтенія дали рядъ трактатовъ о каллиграфіи и, вообще, о культѣ письма (напр., о туши, о разновидности скорописи, въ видѣ словаря быстраго почерка, и т. п.), приведшему, какъ извѣстно, даже къ созданію особаго типа литературныхъ произведеній (тхѣ).

Равнодушными остались наши собиратели и къ искусству вообще, подаривъ Музей единичными сочиненіями по керамикѣ, архитектурѣ, театру и музыкѣ, — отдѣлъ искусства въ Музеѣ находится въ періодѣ созиданія, но надо надѣяться, что та сила личностей и вещей, которая созидаетъ крупныя экспедиціи въ пески Туркестана за произведеніями китайско-буддійскаго искусства, создастъ въ Музеѣ новый фондъ литературы объ этомъ искусствѣ, добываніе которой также не обойдется безъ экспедиціи.

Пріобрѣтенія въ области астрономіи и математики велись фондомъ вяло,— и главнымъ образомъ, по доступному шаблону миссіонерскихъ сочиненій и подражаній имъ, и только библіотеки-серіи нѣсколько добавили къ частямъ фонда, отражающимъ оригинальное туземное изысканіе и творчество.

Знанія китайцевъ былого времени къ области земледѣлія, ботаники, зоологіи, медицины и проч. запечатлѣны фондомъ въ видѣ альбомовъ, трактатовъ, поэмъ о сельскомъ хозяйствѣ, привлекшемъ большое вниманіе европейцевъ (особенно за послѣднее время), въ видѣ книгъ о садоводствѣ и цвѣтоводствѣ, альбомовъ-гербаріевъ, монографій, культивирующихъ эстетическія цѣнности, связанныя съ любимыми растеніями (сосна, бамбукъ, хризантема, чай); въ видѣ отдѣльныхъ описаній животныхъ, а главнымъ образомъ, въ извѣстномъ «Кодексѣ травъ и деревьевъ» (Materia medica, по европейской терминологіи), основѣ европейскихъ работъ въ этой области. Медицина представлена древними апокрифами, вышеупомянутымъ «кодексомъ», многочисленными сочиненіями, трактующими ее, то какъ ботанико-фармакологическое знаніе и искусство, то какъ хирургическое, то какъ апотропаическое заклинаніе, связанное съ гороскопомъ и случайностью, то, наконецъ, какъ европейское врачеваніе.

Что касается области государственнаго дѣла, политики и юридической литературы, то на нее собиратели обратили вниманіе постольку, поскольку, вообще, русское китаевѣдѣніе всегда преклонялось передъ умѣньемъ читать и составлять чиновничьи переписки.

Такимъ образомъ, мы здѣсь видимъ блестяще представленными въ многочисленныхъ фоліантахъ билингвы — «уложенія министерствъ», «готовыя выраженія канцелярій», кодексы законовъ династій Минъ и Цинъ и т. п. Здѣсь же находимъ трак-

таты и конвенціи, въ которыхъ участвовали русскіе дипломаты, книжки о военномъ дѣлѣ, главнымъ образомъ, Европы и др. мелочи.

Живая политика, пресса и, вообще, жизнь Китая была чужда фонду, если не считать появлявшихся отъ времени до времени стереотипныхъ альманаховъ и пачекъ «Столичнаго Вѣстника», сообщающаго китаевѣду о назначеніяхъ и перемѣщеніяхъ китайскихъ чиновниковъ. Пріобрѣтенія послѣднихъ лѣтъ, ведущіяся въ направленіи популярныхъ политическихъ изданій и большой прессы, также не выходятъ изъ состоянія пачекъ, пріуроченныхъ къ періодамъ (особенно революціонному 1912 году). Развить это собираніе въ крупномъ масштабѣ можно, конечно, только въ соотвѣтствіи съ общею дѣятельностью Музея въ этомъ направленіи, которая до сихъ поръ не пріобрѣла еще опредѣленнаго характера.

Точно такъ же характернымъ для первыхъ собирателей является ихъ пристрастіе къ курьезной литературѣ учебниковъ, типа, такъ называемыхъ «разныхъ знаковъ», предназначенныхъ для тѣхъ китайскихъ юношей, которымъ было не по силамъ и, вообще, невозможно одолѣваніе памятью въ теченіе десятковъ лѣтъ классическихъ, хрестоматійныхъ и иныхъ текстовъ, нужныхъ къ экзамену дореформенной учобы.

Попадаются здѣсь же и «письмовники» — приспособленіе формулъ литературнаго стиля къ безликому обиходу, темы, сочиненія типа предлагавшихся на экзаменахъ и предназначенныхъ для упражненій лицъ, ищущихъ успѣха и др., но и эти, въ общемъ, интересныя — хотя съ иной точки зрѣнія — вещи собирались неполно и безъ интереса, характернаго для изучателя. Въ послѣднюю экспедицію 1912 г. удалось пріобрѣсти крайне любопытные учебники такъ называемаго «чиновничьяго, бар-

скаго, мандаринскаго языка» для говорящихъ на фучжоускомъ, кантонскомъ, шанхайскомъ и другихъ нарѣчіяхъ, дѣлающихъ общеніе китайцевъ между собою чуть не болѣе затруднительнымъ, нежели общеніе съ европейцемъ. Къ этому были присоединены китайскіе переводы европейскихъ учебниковъ, дѣтскія книги и педагогическая литература,—точно такъ же результатъ быстро надвигающейся на оригинальный Китай европеизаціи, которая уже создала крупную литературу, напр., о естественныхъ силахъ Китая, о конституціи европейскихъ странъ, географическія обозрѣнія новаго типа и т. п., — литературу, требующую уже новыхъ словарей и новыхъ литературныхъ навыковъ. Уловить зарожденіе этой новой культурной жизни ветхаго денми, но полнаго силъ Китая, собрать все то характерное, что освободилось теперь отъ гнета классическаго образованія и живо реагируетъ на открывшійся новый свѣтъ, а главнымъ образомъ, воспользоваться пробудившимся національнымъ сознаніемъ, которое сейчасъ же бросилось дѣятельно изучать старину, издавать недоступныя доселѣ сочиненія, открывать всѣ залежи былого, — и воспользовавшись, поставить себя въ рядъ съ новымъ китайцемъ, изучающимъ въ себѣ человѣка міра, а не только своей «поднебесной», эта задача является очередною. Не менѣе очередною является задача покончить разъ навсегда со случайными и половинчатыми, дилетантскими собираніями случайныхъ пакетовъ, содержащихъ одно и то же, по стереотипу рынка и личности, и использовать коллекціи заявившихъ себя ученыхъ и ихъ спеціальныхъ экспедицій съ тѣмъ, чтобы антикварный китайскій фондъ Азіатскаго Музея, хотя бы и черезъ двѣсти лѣтъ послѣ своего возникновенія, былъ использованъ и превращенъ въ фондъ изслѣдовательскаго института Академіи Наукъ, тѣмъ болѣе, что уже и къ настоящему сто-

лѣтнему юбилею китайскій фондъ даетъ полную возможность производить, напримѣръ, ученую работу надъ какой-нибудь литературной монографіей, особенно въ соединеніи съ сокровищами сосѣдней библіотеки Петроградскаго Университета. Есть полная возможность продолжать традиціи русскихъ китаевѣдовъ и въ изысканіяхъ по буддизму, и въ работахъ надъ языкомъ и письменностью, но еще большая возможность создается теперь въ области археологіи и литературы, научно-лабораторныя приспособленія къ которымъ уже созданы. Ростъ русскаго китаевѣдѣнія, какъ науки, созидаемой новыми силами и новою поддержкой Академіи Наукъ, создастъ и новую научную лабораторію, въ которой расцвѣтетъ наше искреннее, полное и отчетливое, настоящее научное познаваніе и пониманіе Китая, съ которымъ насъ связываютъ, повидимому, не однѣ только отдаленныя границы.

Фондъ нерасшифрованныхъ еще окончательно письменъ имѣетъ исключительное и міровое значеніе, благодаря многимъ сотнямъ книгъ древнетангутскаго письма династіи, называемой въ Китаѣ Западной Ся (Си Ся) 1032—1227. Рукописи и ксилограммы этого письма, добытыя экспедиціей П. К. Козлова, — въ подавляющемъ большинствѣ буддійскаго содержанія, но, повидимому, въ нихъ попадаются и другіе сюжеты. Кромѣ того, одна изъ ксилограммъ содержитъ сися-китайскій словарь, который, по всей вѣроятности, и явится ключомъ познанія по будущей расшифровкѣ. Къ числу загадочныхъ письменъ относятся еще чжурчженскія, начертанные на плитахъ, точные оттиски съ которыхъ находятся въ Азіатскомъ Музеѣ и воспроизведены синологами Бушеллемъ и Шаванномъ. Однако, послѣднимъ расшифровка ихъ не удалась.

Небольшой корейскій фондъ Азіатскаго Музея состоитъ,

главнымъ образомъ, изъ коллекцій бывшаго консула въ Кореѣ Дмитревскаго и англійскаго дипломата-японовѣда Астона, которые сумѣли подобрать, если и не наиболѣе полезныя въ научно-изслѣдовательскомъ отношеніи книги, то, во всякомъ случаѣ, превосходные ихъ экземпляры, что при извѣстномъ корейскомъ культѣ книги-ксилограммы является достаточною цѣнностью. Служебное положеніе собирателей отразилось, конечно, на содержаніи ихъ коллекцій, наполненныхъ японо-корейскими трактатами, переговорами, учебниками, словарями и т. п., затѣмъ, уложеніями, альманахами и оффиціальными изданіями, но и для филологіи кое-что найдется, особенно по части корейскихъ изданій китайскихъ классиковъ и писателей, среди которыхъ слѣдуетъ отмѣтить прекрасное изданіе извѣстной большой хрестоматіи корейскихъ авторовъ, писавшихъ на китайскомъ языкѣ и литературныхъ энциклопедій. Сборный характеръ коллекцій описываемаго фонда стоитъ въ тѣсной и несомнѣнной связи съ хроническимъ отсутствіемъ научнаго кореевѣдѣнія, которое, предъявивъ къ собиранію книгъ опредѣленные запросы, могло бы поднять уровень фонда до достойной Музея высоты.

МАНЧЖУРСКІЙ ФОНДЪ.

Собраніе манчжурскихъ книгъ, которымъ владѣетъ теперь Азіатскій Музей Россійской Академіи Наукъ, составилось постепенно, изъ пріобрѣтеній и поступленій въ разное время, отъ разныхъ лицъ и учрежденій. Главными составными частями этого собранія являются коллекціи барона Шиллинга фонъ-Канштадта, Ладыженскаго, бывшаго Азіатскаго Департамента Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Леонтьевскаго, П. А. Дмитревскаго и проф. А. О. Ивановскаго.

Манчжурскій книжный фондъ Азіатскаго Музея заключаетъ въ себѣ свыше 200 наименованій различныхъ сочиненій на манчжурскомъ языкѣ, какъ переводныхъ, такъ и оригинальныхъ; а такъ какъ нѣкоторыя изъ означенныхъ сочиненій имѣются въ 2—3 изданіяхъ или же представлены нѣсколькими экземплярами, то общее число хранящихся въ Азіатскомъ Музеѣ печатныхъ (ксилографы) и рукописныхъ произведеній на манчжурскомъ языкѣ доходитъ до 400 слишкомъ отдѣльныхъ нумеровъ (болѣе 1.000 томовъ).

По содержанію своему, принадлежащія Азіатскому Музею манчжурскія книги могутъ быть разбиты на слѣдующіе отдѣлы: 1) Переводы китайскихъ классическихъ книгъ; 2) сочиненія по философіи, этикѣ и т. п.; 3) пособія для изученія манчжурскаго языка — грамматики, разговоры на манчжурскомъ и китайскомъ языкѣ, учебники и т. д.; 4) словари; 5) указы, поученія и наставленія китайскихъ императоровъ; 6) законы цинской и др. династій, царствовавшихъ въ Китаѣ; 7) книги по

исторіи, 8) географіи, 9) буддизму, шаманству, христіанству и др. религіямъ; 10) сочиненія по астрономіи, 11) медицинѣ, 12) военному искусству, 13) энциклопедіи, 14) романы, повѣсти и разсказы. Наиболѣе полно представлены слѣдующіе отдѣлы: 1-й (китайскіе классики), 2-й (философія и этика), 3-й (пособія для изученія манчжурскаго языка), 4-й (словари), 7-й (исторія) и 14-й (изящная литература).

Среди ксилографовъ имѣются въ Азіатскомъ Музеѣ великолѣпныя изданія, относящіяся преимущественно ко времени государей Канъ-си, Юнъ-чжэнъ и Цянь-лунъ, т. е. къ періоду, когда императоры цинской династіи, съ одной стороны, стремились къ тому, чтобы ознакомить манчжуровъ съ наиболѣе выдающимися произведеніями китайской литературы и мысли, а съ другой — особенно озабочены были тѣмъ, чтобы ихъ единоплеменники, пріобщаясь къ культурѣ покореннаго ими народа, не теряли своей самобытности и не забывали своего родного языка.

Рукописей на манчжурскомъ языкѣ въ Музеѣ около 100. Нѣкоторыя изъ нихъ являются рѣдкостью вообще, другія же съ научной точки зрѣнія представляютъ большую цѣнность.

Вообще, по обилію и цѣнности заключающихся въ немъ матеріаловъ для ознакомленія съ языкомъ и литературою манчжуровъ, Азіатскій Музей занимаетъ въ Россіи первое мѣсто; соперниками его въ этомъ отношеніи могли бы быть лишь Восточный Институтъ во Владивостокѣ и Библіотека Петроградскаго Университета.

Для отдѣльныхъ коллекцій, легшихъ въ основу манчжурскаго книжнаго фонда Азіатскаго Музея и упомянутыхъ уже выше, имѣются въ Музеѣ карточные каталоги или, по крайней мѣрѣ, краткіе списки книгъ и рукописей, составляющихъ озна-

ценныя коллекціи; общаго же каталога, который обнималъ бы всю совокупность хранящихся въ Музеѣ матеріаловъ по манчжуровѣдѣнію, пока еще нѣтъ, что сильно затрудняетъ въ соотвѣтствующихъ случаяхъ обозрѣніе и использованіе манчжурскаго книжнаго фонда Музея. Въ виду этого, а также вслѣдствіе наблюдаемаго въ настоящее время въ ученыхъ кругахъ стремленія къ болѣе широкому ознакомленію съ тунгузскими нарѣчіями вообще и съ манчжурскимъ языкомъ, какъ съ достигшимъ наибольшаго развитія представителемъ названныхъ нарѣчій, въ частности, очередной задачей Музея является составленіе подробнаго каталога принадлежащихъ Музею манчжурскихъ книгъ и рукописей. Въ качествѣ подготовительнаго шага къ такой работѣ, Музеемъ уже приступлено къ пересмотру и пополненію каталоговъ и списковъ, касающихся отдѣльныхъ частей манчжурскаго книжнаго фонда Музея.

ЯПОНСКІЙ ФОНДЪ.

Первыми собраніями японскихъ книгъ Музея были коллекціи, подаренныя Академіи Наукъ Екатериною II въ 1791 и 1795 годахъ[1]. Въ этой коллекціи были и рукописи, о которыхъ мы скажемъ нѣсколько словъ въ концѣ нашей замѣтки. Собраніе состоитъ главнымъ образомъ изъ плановъ городовъ Японіи и японскихъ переводовъ голландскихъ книгъ[2].

Въ 1830 году Азіатскимъ Музеемъ была пріобрѣтена первая коллекція книгъ барона Шиллинга, среди которой были планы японскихъ городовъ[3].

Въ 1838 году отъ к.-л. Этолина поступила въ Музей «Антологія ста поэтовъ»[4]. Въ 1842 году былъ полученъ японо-голландскій словарь[5].

Еще за двадцать лѣтъ до открытія Азіатскаго Музея, а именно въ 1798 году, былъ составленъ Catalogus librorum Sinicorum, Japonicorum nec non Mongolicorum Tübeticorumque in Academiae imp. Petropolitanae bibliotheca qui asservantur[6]. Въ 1818 году П. Каменскій и С. Липовцовъ составили каталогъ японскихъ и китайскихъ книгъ[7].

---

[1] Dorn, Das Asiatische Museum, S. 10.

[2] Nov. Act. XIII. S. 24; Dorn, Das Asiatische Museum, S. 11.

[3] Mémoires, T. I, 93—94.

[4] Dorn, Das Asiatische Museum, S. 85, называетъ эту книгу рукописью и даетъ ей неправильное названіе.

[5] Dorn, Ibidem, S. 102.

[6] Dorn, Ibidem, S. 113.

[7] «Каталогъ китайскимъ и японскимъ книгамъ въ библіотекѣ Императорской Академіи, хранящимся по препорученію Г-на президента оной Академіи С. С. Уварова, вновь сдѣланный П. Каменскимъ и Ст. Липовцовымъ. 1818 г.» (Dorn, Das Asiatische Museum, S. 112).

Въ 1840 году по порученію Академіи Наукъ академикомъ Броссе былъ составленъ каталогъ китайскихъ и японскихъ книгъ. Въ него вошли всѣ предыдущія коллекціи[1].

Японскія книги помѣщены въ каталогѣ Броссе подъ Cl. XVIII[2] и, какъ онъ самъ говоритъ въ своемъ отчетѣ, порядокъ ихъ расположенія тотъ же, что и вообще порядокъ въ его каталогѣ, объясненію котораго онъ посвящаетъ нѣсколько строкъ[3].

Просматривая японскія книги, вошедшія въ каталогъ Броссе, мы должны остановить наше вниманіе на японо-айнскомъ словарѣ, затѣмъ на богатомъ отдѣлѣ японскихъ картъ и плановъ городовъ, которые были пріобрѣтены отъ барона Шиллинга[4]. Всѣ карты и планы — ксилографы XVIII вѣка. Ко многимъ картамъ приложены небольшія замѣтки д-ра Стютцера. Интересна карта Кіото, на которой рукою д-ра Стютцера обозначены кварталы, сгорѣвшіе во время большого пожара въ 1855 г. О своемъ посѣщеніи пожара въ Кіото онъ упоминаетъ въ сохранившейся замѣткѣ[5]. Изъ коллекціи барона Шиллинга сюда вошелъ цѣлый рядъ книгъ по нумизматикѣ Японіи и Китая. Остальныя книги, видимо, случайныя пріобрѣтенія, не имѣющія большого интереса: здѣсь и отдѣльные тома романовъ, письмовники, тексты монодическихъ драмъ и т. д.

Не менѣе случайный характеръ носили и другія поступленія японскихъ книгъ въ Азіатскій Музей. Изъ наслѣдства д-ра Бретшнейдера поступили три книги по японской ботаникѣ[6].

---

[1] Bulletin Scientifique, 1841, T. VIII. № 15, p. 225—240.
[2] Ibidem, p. 240.
[3] Ibidem, p. 234.
[4] Dorn, Das Asiatische Museum, S. 485.
[5] Азіатскій Архивъ, № 96/7.
[6] Musei Asiatici Petropolitani Notitiae. I. II. III. 1902, 070.

Затѣмъ, въ 1899 году поступила небольшая коллекція (13 названій) японскихъ книгъ К. Н. Посьета[1], среди которой и карты Японіи, и изображенія рыбъ, и исторія японской арміи и флота и т. д.

Въ 1910 году была пріобрѣтена коллекція японскихъ книгъ покойнаго Г. А. Гошкевича отъ его наслѣдниковъ[2]. Коллекція эта состоитъ изъ 144 названій. Къ сожалѣнію она была составлена безъ всякаго плана и потому о какихъ-либо полныхъ отдѣлахъ не можетъ быть и рѣчи. Надо отмѣтить, что почти вся коллекція состоитъ изъ ксилографовъ, среди которыхъ имѣются и экземпляры XVII вѣка, которые въ Японіи пріобрѣсти довольно трудно.

Если мы попытаемся разбить книги этой коллекціи на отдѣлы, то въ каждомъ изъ отдѣловъ можно будетъ указать на экземпляры, представляющіе извѣстный интересъ для японовѣда.

Среди книгъ по литературѣ имѣются изданія Кодзики, Нихонги и комментаріи къ нимъ. Затѣмъ, цѣлый рядъ антологій и комментарій къ нимъ; имѣются комментаріи на Маньёсю и ксилографическій текстъ 1805 г. — хорошій экземпляръ романа «Гэндзи-моногатари», съ иллюстраціями, изданія 1654 года.

Кромѣ этого слѣдуетъ отмѣтить два китайскихъ романа въ передѣлкѣ Бакина, съ иллюстраціями Хокусаи, и иллюстрированное изданіе «Намбоку-таихэики».

Книгъ по исторіи очень мало, имѣется только нѣсколько таковыхъ по древнему періоду и одна по исторіи эпохи Токугава. Слѣдуетъ лишь отмѣтить изданіе 1673 года «Сандаидзицуроку». Имѣются также комментаріи къ Таихорё — «Рёногигэ».

---

[1] Musei Asiatici Petropolitani Notitiae I. II. III. 1902, 076.

[2] Инвентарь 1910 г. № 639.

Нѣсколько старыхъ японскихъ словарей, какъ «Вакунносиори», составляютъ отдѣлъ словарей. Около шести книгъ по языку; главнымъ образомъ сочиненія Мотоори и другихъ «вагакуся».

Имѣется большой отдѣлъ географическихъ картъ и плановъ. Цвѣтныя карты-ксилографы различныхъ провинцій Японіи. Интересная карта дороги отъ Кіото до Эдо. Всѣ эти карты относятся къ XIX вѣку. Изъ географическихъ описаній имѣются только книги о сѣверѣ Японіи и о Сахалинѣ.

Интересна рукописная книга о капитанѣ Головнинѣ, бывшемъ въ плѣну у японцевъ съ 1811—1813 г., написанная въ 1825 году («Сбяку Нихон-кидзи»).

Затѣмъ можно отмѣтить еще двѣ книги по каллиграфіи и восемь книжекъ съ иллюстраціями, среди которыхъ Манга-Хокусаи, Момотидори-Утамаро и другія. Интересна также книга «Цукияма Нивадзукуринодэн» съ рисунками японскихъ садовъ различныхъ школъ.

Кромѣ этой коллекціи мы должны упомянуть о небольшой «коллекціи наслѣдника Цесаревича», среди которой имѣется неполный, къ сожалѣнію, экземпляръ Манга, работы Хокусаи.

За послѣдніе пять лѣтъ, при посредствѣ лицъ, командированныхъ Университетомъ, Азіатскій Музей началъ пополнять свои японскія коллекціи и пріобрѣтать книги. Война и дальнѣйшія событія задержали правильную доставку книгъ изъ Японіи. О. О. Розенбергомъ были пріобрѣтены для Азіатскаго Музея нѣкоторые буддійскіе словари, книги о буддизмѣ и великолѣпное Кіотоское изданіе Трипитаки.

Довольно большая коллекція японскихъ книгъ была прислана изъ Японіи Н. А. Невскимъ: главнымъ образомъ японскіе комментаріи на китайскихъ классиковъ и на китайскихъ

поэтовъ, нѣсколько японскихъ книгъ по исторіи китайской философіи и цѣнная японская библіографія китайскихъ книгъ, а также каталоги библіотеки Императорскаго Университета въ Тōкіō.

Черезъ Россійское Посольство въ Тōкіō были получены въ даръ каталоги всѣхъ главнѣйшихъ библіотекъ Японіи и пріобрѣтены книги по японскому искусству, но въ виду невозможности ихъ переслать, онѣ были сданы на храненіе въ посольство.

По исторіи Японіи въ Азіатскомъ Музеѣ имѣются «Матеріалы по Исторіи Японіи», издаваемые Исторической Комиссіей при Императорскомъ Университетѣ въ Тōкіō.

Кромѣ этого можно упомянуть еще переводы православныхъ богослужебныхъ книгъ, евангелія и журналы, изданные нашей Православной Миссіей въ Тōкіō.

Къ сожалѣнію, всѣ коллекціи носятъ неполный характеръ, и нужно еще нѣсколько лѣтъ работы, чтобы пополнить ихъ и сдѣлать пригодными для научныхъ работъ японовѣдовъ.

Въ рукописномъ отдѣлѣ мы можемъ отмѣтить только № 26 русско-японскій словарь, составленный Андреемъ Татариновымъ въ 1782 году[1], затѣмъ два списка русско-японскаго словаря, составленнаго Резановымъ въ 1804 и 1805 годахъ и его же руководство къ познанію японскаго языка[2]. Словарь русско-японо-китайскій, составленный Клапротомъ[3]; замѣтка д-ра Стютцера о пожарѣ въ Кіōто[4] и нѣсколько японскихъ гравюръ на деревѣ. Вотъ то немногое, что входитъ въ рукописный отдѣлъ Японскаго фонда Азіатскаго Музея.

---

[1] См. Протоколъ засѣд. А. Н. 24 окт. 1782.

[2] III отд. Аз. Музея, №№ 27, 28, 29.

[3] Ibid., № 86.

[4] Ibid., № 96/7.

Средняя Азія и Индія.

ТИБЕТСКІЙ ФОНДЪ.

Тибетскіе рукописи и ксилографы Азіатскаго Музея въ значительной мѣрѣ описаны или каталогизированы. Имѣемъ мы въ своемъ распоряженіи слѣдующія работы: I. J. Schmidt und O. Böhtlingk, Verzeichniss der tibetischen Handschriften und Holzdrucke im Asiatischen Museum der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften (Bull. hist.-phil., t. IV, №№ 6, 7, 8; отдѣльный оттискъ); Anton Schiefner, Bericht über die neueste Büchersendung aus Peking (B. hist.-phil., t. VIII, № 1, 2); A. Schiefner, Nachträge zu von O. Böhtlingk und I. J. Schmidt verfassten Verzeichnissen der auf Indien und Tibet bezüglichen Handschriften und Holzdrucke im Asiatischen Museum der Kais. Akademie der Wissenschaften (B. hist.-phil., t. V, № 10); Каталогъ книгамъ, рукописямъ и картамъ, на китайскомъ, манчжурскомъ, монгольскомъ, тибетскомъ и санскритскомъ языкахъ, находящимся въ библіотекѣ Азіатскаго Департамента (СПб. 1843 г.); Musei Asiatici Petropolitani notitiae; curante C. Salemann; VI, VII. И только сравнительно небольшое количество тибетскихъ ксилографовъ и рукописей занесено въ рукописныя инвентари, напр., коллекція Б. Барадійна, вывезенная имъ изъ Гумбума и Лаврана; Данджуръ, Ганджуръ пекинскаго изданія и рядъ отдѣльныхъ поступленій; нѣтъ печатнаго обзора и тибетскихъ рукописей, привезенныхъ полк. П. К. Козловымъ, а также рукописей, вывезенныхъ изъ Восточнаго Туркестана. Историческій очеркъ

собиранія тибетскихъ книгъ въ Азіатскомъ Музеѣ данъ Н. В. Кюнеромъ въ его «Описаніи Тибета» (ч. вторая — этнографическая, вып. 1. Изв. Восточн. Института. Т. XXVI, вып. 1. Владивостокъ 1908, стр. 97—100).

Говоря о тибетскомъ фондѣ Музея, приходится прежде всего остановиться на буддійскомъ канонѣ (Ганджуръ) и на каноническихъ толкованіяхъ (Данджуръ). — Азіатскій Музей располагаетъ двумя полными изданіями Ганджура, одно изданіе Нартанское, другое Пекинское, и однимъ Данджура, пекинскаго изданія. Кромѣ того, въ Музеѣ находится много различныхъ указателей и каталоговъ, краткихъ и пространныхъ, какъ Ганджура, такъ и Данджура, разныхъ изданій. Вообще, буддійская каноническая литература представлена въ Музеѣ очень хорошо отличными ксилографами и образцовыми рукописями. Имѣется также значительное количество собраній сочиненій буддійскихъ святителей Индіи и Тибета, а также собранія сочиненій выдающихся буддійскихъ писателей Тибета и Монголіи. Такъ, можно указать на изданныя ксилографскимъ способомъ собранія сочиненій Цзонхава, Даранаты, Агванъ-Дандара, Далай-ламъ и Банченъ-эрдени. Поступленія послѣднихъ лѣтъ, пріобрѣтенія, сдѣланныя Г. Ц. Цыбиковымъ и Б. Б. Барадійномъ, обогатили еще Музей болѣе рѣдкими произведеніями буддійскихъ тибетскихъ писателей. Эти два собранія даютъ прекрасные образцы печати изъ Лхасы и Амдо; собиратели большею частью сами наблюдали за печатаніемъ, что чрезвычайно существенно, т. к. иначе часто въ продажу попадаютъ дефектные экземпляры. Медицинскія, астрономическія, грамматическія сочиненія и сочиненія по поэтикѣ и иконописи тоже представлены въ Музеѣ въ достаточномъ количествѣ, хотя уже и не съ такой полнотой. Гораздо меньше имѣется въ Музеѣ тибетскихъ ксилографовъ или руко-

писей, которые можно было бы отнести, по содержанію заключающихся въ нихъ текстовъ, къ разряду повѣствовательной литературы; нѣтъ, порой, такихъ сочиненій, которыя извѣстны оріенталистамъ по монгольскимъ и ойратскимъ переводамъ. Почти совсѣмъ отсутствуютъ въ тибетскомъ фондѣ Музея произведенія народной литературы; немного имѣется и книгъ «секты» Бонъ-по. Тибетскій фондъ Азіатскаго Музея характеризуетъ буддійскій Тибетъ, главнымъ образомъ, буддійскую литературу первенствующихъ сектъ. Литература эта представлена разнообразно и въ такомъ количествѣ, что дѣлаетъ тибетское собраніе Азіатскаго Музея самымъ богатымъ среди другихъ европейскихъ собраній. Ни одна библіотека Европы не обладаетъ, ни въ какомъ отношеніи, и половиной того богатства, какое хранится въ Азіатскомъ Музеѣ.

Что касается тибетскихъ рукописей, вывезенныхъ изъ Хара-Хото и Восточнаго Туркестана, то, можно думать, что онѣ, если и не представятъ особаго интереса по содержанію заключающихся въ нихъ текстовъ, то окажутся любопытными съ точки зрѣнія исторіи тибетскаго языка, тибетской письменности, какъ образцы весьма старинные. Вообще, въ Музеѣ находится значительное количество тибетскихъ рукописей, относящихся къ разнымъ эпохамъ, при чемъ часть ихъ писана скорописью. Особаго вниманія заслуживаетъ рукопись, писанная разновидностью тибетскаго алфавита и вывезенная М. М. Березовскимъ изъ тибетско-китайской пограничной полосы; эта рукопись, въ виду ея рѣдкости, вся сфотографирована; а также и другая, писанная тибетскою скорописью, содержащая сказаніе о царѣ Ге-Сар (Гесар-хан).

Въ тибетскомъ фондѣ Музея свыше 1000 отдѣльныхъ №№ ксилографовъ и рукописей, въ общемъ болѣе 10.000 томовъ.

МОНГОЛЬСКІЙ ФОНДЪ.

Среди европейскихъ собраній монгольскихъ и ойратскихъ (калмыцкихъ) рукописей и ксилографовъ коллекціи Азіатскаго Музея является одной изъ самыхъ богатыхъ, соперничать съ которой можетъ развѣ только собраніе Петроградскаго Университета. Монгольскій фондъ Азіатскаго Музея и библіотеки Петроградскаго Университета, взаимно дополняя другъ друга, даютъ прекрасную картину монгольской письменности, ея состоянія, какъ въ прошломъ, такъ и настоящемъ. Собраніе монгольскихъ рукописей и восточныхъ печатныхъ изданій Азіатскаго Музея составлялось постепенно, въ теченіе долгаго времени; оно постепенно пополнялось какъ старинными рукописями, такъ и новыми, собранными въ разныхъ частяхъ монгольскаго міра, пополнялось какъ цѣлыми коллекціями, собираемыми съ опредѣленною цѣлью, такъ и путемъ пріобрѣтеній отдѣльныхъ случайныхъ рукописей и ксилографовъ: оно можетъ съ достаточной полнотой характеризовать монгольскую письменность вообще, выяснять составъ и содержаніе монгольской литературы; это собраніе раскрываетъ передъ нами духовный міръ монгольскаго племени. Въ иныхъ случаяхъ богатства монгольскаго фонда Азіатскаго Музея являются характеризующими опредѣленную область Монголіи или опредѣленную эпоху литературной исторіи монголовъ; но это рѣдко: главная цѣнность и научное значеніе собранія монгольскихъ и ойратскихъ рукописей и ксилографовъ Азіатскаго Музея состоитъ въ томъ,

что оно выясняетъ и характеризуетъ монгольскую письменность вообще, за все время ея существованія.

Описаній монгольскихъ рукописей не существуетъ вовсе и нигдѣ, если не считать небольшого описанія, помѣщеннаго въ Musei Asiatici Notitiae (VII), собственно говоря, нѣтъ и хорошихъ каталоговъ; въ данномъ случаѣ и Азіатскій Музей находится въ тяжеломъ положеніи, располагая только рукописными каталогами, да мало удовлетворительнымъ каталогомъ монгольскихъ рукописей и ксилографовъ, раньше принадлежавшихъ бывшему Азіатскому Департаменту.

Разбираясь въ монгольскихъ рукописяхъ Азіатскаго Музея, нельзя не обратить вниманія на слѣдующее обстоятельство: монгольскій фондъ Музея составился изъ поступленій первой половины XIX в. и болѣе старыхъ, а затѣмъ, совсѣмъ новыхъ, за послѣднія 20 — 25 лѣтъ. Старое собраніе монгольскихъ рукописей, — ойратскихъ рукописей въ немъ было очень мало, — составилось изъ коллекцій I. Іерига (J. Jaehrig), Петра Каменскаго, академика Я. И. Шмидта, барона Шиллинга фонъ-Канштадта (Schilling von Canstadt), коллекціи б. Азіатскаго Департамента и другихъ болѣе мелкихъ. Рукописи этого фонда относятся главнымъ образомъ къ періоду XVIII вѣка, но въ то же время довольно много рукописей, какъ болѣе старыхъ, восходящихъ къ XVII вѣку, такъ и болѣе новыхъ. Не мало въ этомъ собраніи списковъ сочиненій, представляющихъ собой выдающійся интересъ, чрезвычайно важныхъ для монгольской филологіи, много цѣннаго даютъ эти рукописи и для исторіи монгольскаго языка, монгольской письменности въ частности. Содержаніе большинства рукописей этой части монгольскаго фонда Азіатскаго Музея буддійское; это все переводныя, по большей части, съ тибетскаго произведенія буддійской

литературы различныхъ ея отдѣловъ: мы встрѣчаемъ здѣсь каноническія сутры, сочиненія буддійскихъ святителей Тибета и Монголіи, джатаки и другія повѣсти индійскаго, буддійскаго происхожденія. Особый интересъ вызываетъ къ себѣ одна рукопись въ 12 большихъ томовъ, содержащая старый, по всей вѣроятности XVII вѣка, списокъ сочиненія Юмъ (Prajñāpāramitā), превосходно, кстати сказать, исполненный.

Среди рукописей, содержащихъ въ себѣ произведенія, которыя не могутъ быть отнесены прямо къ буддійской «церковной» литературѣ, надо упомянуть о двухъ спискахъ монгольской исторіи «Алтанъ тобчи» и «Исторіи» Сананъ-Сецена — объ рѣдчайшія рукописи, — списки сказаній о Гесеръ-ханѣ, дающіе намъ главы, неизвѣстныя изданію академика Шмидта, списки разсказовъ «волшебнаго трупа» (Сидди-кюръ = Vetālapañcavimçatikā). Изъ ойратскихъ рукописей наибольшій интересъ представляютъ фрагменты, вывезенные изъ Аблайкита.

Это собраніе монгольскихъ рукописей, само по себѣ цѣнное и богатое, за послѣднее время значительно расширилось благодаря новымъ поступленіямъ. Особенно содѣйствовалъ обогащенію Азіатскаго Музея въ этомъ отношеніи «Русскій Комитетъ по изученію Средней и Восточной Азіи», который, организовавъ рядъ поѣздокъ въ различные углы монгольскаго міра, передавалъ всѣ собранныя тамъ рукописи въ Азіатскій Музей. Такимъ образомъ, Музей пополнился довольно большими коллекціями, собранными Ц. Ж. Жамцарано у бурятъ и въ Южной Монголіи, Б. Б. Барадійнымъ — у бурятъ, А. В. Бурдуковымъ и Б. Я. Владимірцовымъ — въ С.-З. Монголіи и Н. О. Очировымъ — у Астраханскихъ калмыковъ. Новыя собранія особенно благопріятно отразились на ойратскомъ фондѣ Музея: онъ пріобрѣлъ теперь такія цѣнныя рукописи, какъ списокъ біогра-

фіи Зая-Пандиты, списки различныхъ каноническихъ сутръ, ойратской версіи сказанія о Гесеръ-ханѣ и др. Изъ монгольскихъ рукописей новаго поступленія особое вниманіе обращаютъ на себя тѣ, которыя содержатъ тексты историческаго содержанія. Такъ, среди новыхъ поступленій оказались списки «Исторіи» Сананъ-Сецена, историческаго сочиненія «Балоръ толи», другія историческія произведенія монголовъ, какъ переводныя, такъ и оригинальныя. Среди недавнихъ пріобрѣтеній Азіатскаго Музея оказалось нѣсколько монгольскихъ рукописей, относящихся къ эпохѣ, отъ которой вообще дошло до насъ чрезвычайно мало, — къ эпохѣ, рукописями которой Музей до сихъ поръ еще не располагалъ. Такъ, въ Музей поступило нѣсколько монгольскихъ рукописей и фрагментовъ XIV вѣка, найденныхъ въ Восточномъ Туркестанѣ, нѣсколько листовъ фрагментовъ, содержащихъ монгольскій текстъ съ уйгурскими приписками; время написанія этихъ рукописей еще съ точностью не установлено. Наконецъ, Ц. Ж. Жамцарано удалось добыть въ Южной Монголіи нѣсколько списковъ различныхъ монгольскихъ сочиненій, относящихся къ XIV вѣку, а А. Д. Рудневу — списокъ монгольскаго перевода сказанія о Молонъ-тойнѣ (Maudgalyāyana), по всей вѣроятности, XVI вѣка; теперь эти рукописи являются украшеніемъ монгольскаго фонда Азіатскаго Музея. За послѣднее время Музей обогатился еще рукописями, хотя и новыми, но интересными по содержанію заключающагося въ нихъ текста. Такъ, Музей располагаетъ теперь цѣлымъ рядомъ любопытныхъ списковъ монгольскихъ сочиненій эпическаго характера, среди которыхъ особый интересъ вызываетъ поэма о двухъ коняхъ Чингисъ-хана и записи баитскихъ героическихъ былинъ, затѣмъ списки китайскихъ романовъ, переведенныхъ на монгольскій языкъ, другихъ, болѣе мелкихъ сочиненій, напр., относя-

щихся къ культу огня, оффиціальныхъ документовъ, астрологическихъ сочиненій и пр.

Какъ было уже упомянуто выше, собраніе монгольскихъ рукописей Азіатскаго Музея составилось изъ старыхъ поступленій, главнымъ образомъ конца XVIII и начала XIX в., и поступленій за послѣднія два, три десятилѣтія. То же самое можно сказать и о собраніи монгольскихъ ксилографовъ, которые попадали въ Азіатскій Музей одновременно съ разными собраніями рукописей. Наибольшее количество монгольскихъ ксилографовъ падаетъ на старый фондъ Музея; особенно много ксилографовъ находится въ коллекціяхъ бар. Шиллинга фонъ-Канштадта и б. Азіатскаго Департамента. Ксилографы этихъ и другихъ коллекцій, которыми располагаетъ Азіатскій Музей, въ большинствѣ случаевъ являются пекинскими, другіе — южно-монгольскіе и бурятскіе были представлены незначительнымъ количествомъ экземпляровъ. Какъ извѣстно, ксилографія не развилась у ойратовъ и ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что ойратскихъ ксилографовъ въ Азіатскомъ Музеѣ почти нѣтъ. Можно все-таки сказать «почти нѣтъ» потому, что Музей располагаетъ нѣсколькими клише съ ойратскимъ текстомъ и двумя ойратскими ксилографами, которые содержатъ два буддійскихъ текста въ ойратскомъ переводѣ и вывезены изъ с.-з. Монголіи, при чемъ о мѣстѣ рѣзки этихъ двухъ ксилографовъ ничего не извѣстно: врядъ-ли они происходятъ изъ того района, гдѣ были пріобрѣтены, но, по всей вѣроятности, они были вырѣзаны въ Джунгаріи, — быть можетъ, въ Аблай-китѣ. Что касается пекинскихъ ксилографовъ изъ коллекцій стараго фонда Азіатскаго Музея, то они представлены съ такой полнотой, что, можно сказать, всѣ, за очень рѣдкимъ исключеніемъ, ксилографы, вышедшіе въ Пекинѣ при манчжурской династіи, представлены въ Музеѣ. Не прихо-

дится, поэтому, много говорить о значеніи такого собранія, о его цѣнности. Позволю себѣ только остановить вниманіе на ксилографахъ, содержащихъ такія сочиненія: монгольскіе переводы Saddharmapuṇḍarīka, Prajñāpāramitā, Pañcarakṣā; монгольская версія сказанія о Гесеръ-ханѣ; монгольскій переводъ гимновъ Миларайбы; переводы біографій буддійскихъ святителей, Цзонхавы, нѣкоторыхъ Далай-ламъ, Миларайбы; одно, два оригинальныхъ монгольскихъ произведенія, напр., біографія Нэйджи-тойна.

Поступленія позднѣйшаго времени въ количественномъ отношеніи не могли уже обогатить старое собраніе монгольскихъ ксилографовъ Азіатскаго Музея, потому что оно было почти исчерпывающимъ для ксилографовъ пекинскихъ, временъ Манчжурской династіи. Зато новыя поступленія украсили Музей монгольскими ксилографами другого типа. А именно, въ Азіатскій Музей поступили одинъ, два ксилографа временъ Юаньской династіи, затѣмъ нѣсколько ксилографовъ неизвѣстнаго происхожденія, относящихся, по всей вѣроятности, тоже къ XIV в. Эти нѣсколько ксилографовъ являются наиболѣе драгоцѣнными среди всей коллекціи печатныхъ восточныхъ монгольскихъ книгъ, потому что даютъ намъ очень древніе, если принять въ соображеніе начало литературной дѣятельности монголовъ, тексты, любопытные и важные, если не по своему содержанію, то по языку, по графикѣ, по версіи заключающагося въ нихъ текста. Поступленія послѣднихъ лѣтъ пополнили также собраніе Музея въ отношеніи бурятскихъ ксилографовъ, которые, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не представлены въ Музеѣ съ исчерпывающей полнотой.

Въ самой Монголіи, благодаря различнымъ обстоятельствамъ, не существуетъ большихъ библіотекъ, большихъ со-

браній монгольскихъ рукописей и ксилографовъ. Пекинскія и другія хранилища, повидимому, богаты только ксилографами. Европейскія собранія монгольскихъ рукописей и ксилографовъ, напр., въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ очень и очень незначительны, хотя и тамъ встрѣчаются рѣдкости, какъ, напр., печатный монгольскій Ганджуръ въ Bibliothèque Nationale, привезенный проф. P. Pelliot; и только монгольскій фондъ Азіатскаго Музея, вмѣстѣ съ такимъ же фондомъ библіотеки Петроградскаго Университета, является дѣйствительно цѣннымъ собраніемъ монгольскихъ рукописей и ксилографовъ, собраніемъ, благодаря которому дѣлается возможнымъ проникнуть въ душу монгольскаго народа.

Всего Азіатскій Музей располагаетъ свыше 2.000 отдѣльныхъ №№ монгольскихъ и ойратскихъ рукописей и ксилографовъ, изъ коихъ многіе являются сборниками, а многіе насчитываютъ по два, по три и болѣе томовъ. Число дубликатовъ не особенно значительно, почти всѣ они изъ коллекціи Пекинскихъ ксилографовъ.

Богатства монгольскаго фонда Азіатскаго Музея не исчерпываются собраніемъ монгольскихъ и ойратскихъ рукописей и ксилографовъ. Помимо отдѣла фотографій монгольскихъ рукописей, среди которыхъ имѣются очень интересные съ разныхъ точекъ зрѣнія экземпляры, Музей въ правѣ особенно гордиться двумя своими «монгольскими драгоцѣнностями»: «Чингисовымъ камнемъ» и обширнымъ собраніемъ записей (въ научной транскрипціи) произведеній народной словесности монгольскихъ племенъ. О «Чингисовомъ камнѣ» много говорить не приходится; хорошо извѣстно, что эта надпись на камнѣ, привезенная изъ Забайкалья, является древнѣйшимъ памятникомъ монгольской письменности, и что до сихъ поръ надпись эта окончательно не ра-

зобрана. Собраніе же записей произведеній монгольской народной литературы, по истинѣ грандіозное, является результатомъ планомѣрной работы нѣсколькихъ лицъ подъ руководствомъ соотвѣтствующихъ спеціалистовъ Факультета Восточныхъ языковъ и Русскаго Комитета по изученію Средней и Восточной Азіи, во главѣ котораго тогда стоялъ В. В. Радловъ. Ц. Ж. Жамцарано, Б. Б. Барадійнъ, Н. О. Очировъ и нѣкоторыя другія лица собрали огромный лингвистическій и фольклорный матеріалъ среди разныхъ монгольскихъ племенъ: бурятъ, калмыковъ, халхасцевъ, южныхъ монголовъ, ойратовъ с.-з. Монголіи. Ихъ записи, сдѣланныя точной «академической» транскрипціей, представляютъ намъ всѣ виды народнаго литературнаго творчества монголовъ, монгольской народной словесности: мы встрѣчаемъ здѣсь и громадныя героическія былины въ 10 — 15 тысячъ стиховъ, и былины-повеллы, лирическія пѣсни и призыванія шамановъ, волшебныя сказки и анекдоты, пословицы, загадки, прибаутки; находимъ, наконецъ, образцы простой обыденной рѣчи.

Съ поступленіемъ этихъ коллекцій въ Азіатскій Музей, послѣдній дѣйствительно становится Эрденійнъ-Сангъ «драгоцѣнной сокровищницей» духовной жизни народа, которому пришлось сыграть такую значительную роль въ исторіи Азіи.

MONGOLICA POLYGLOTTA.

Азіатскій Музей располагаетъ довольно значительнымъ количествомъ рукописей и ксилографовъ, содержащихъ тексты на двухъ и болѣе языкахъ: рукописи и ксилографы тибетско-монгольскіе, тибетско-монгольско-китайскіе, тибетско-ойратскіе, манчжуро-монгольскіе и т. д. Многіе изъ нихъ, главнымъ образомъ тибетско-монгольскіе и тибетско-ойратскіе, описаны въ «Verzeichniss der tibetischen Handschriften und Holzdrucke» I. J. Schmidt'a и O. Böhtlingk'a (Bull. hist.-phil. IV, №№ 6, 7, 8; отдѣльный оттискъ), въ «Bericht über die neuste Büchersendung aus Pekin» (ib. VIII, № 1, 2) и въ «Nachträge zu den von O. Böhtlingk und I. J. Schmidt verfassten Verzeichnissen der auf Indien und Tibet bezüglichen Handschriften» (ib. V, № 10) A. Schiefner'a; другіе перечислены въ «Каталогѣ книгамъ, рукописямъ и картамъ на китайскомъ, манчжурскомъ, монгольскомъ, тибетскомъ и санскритскомъ языкахъ, находящимся въ библіотекѣ Азіатскаго Департамента» (СПб. 1843). Эти рукописи и ксилографы важны и интересны тѣмъ, что даютъ цѣнный матеріалъ для оріенталиста-филолога и оріенталиста-лингвиста въ частности, представляя на двухъ и болѣе языкахъ параллельный текстъ сочиненій, часто имѣющихъ большое значеніе. Среди рукописей такого рода можно, напримѣръ, отмѣтить рукопись, содержащую тибетскій текстъ Subhāṣitaratnanidhi Сакья-Пандиты съ монгольскимъ переводомъ, редакціи, по всей вѣроятности, XIV в., являющейся новымъ спискомъ одной старой рукописи, хранящейся въ

библіотекѣ Петроградскаго Университета; затѣмъ, рукопись, содержащую біографію Paṇḍita mkhan-pò на тибетскомъ и монгольскомъ языкахъ. Нельзя не упомянуть и о нѣсколькихъ экземплярахъ ксилографовъ и рукописей, содержащихъ сочиненіе Dag-yig mkhas-paḥi ḥbyung-gnas, т. е. буддійскую энциклопедію, составленную коллегіей ученыхъ монаховъ подъ руководствомъ Чжанчжа-хутухты Ролбій дордже на тибетскомъ и монгольскомъ языкахъ. Азіатскій Музей располагаетъ еще unicum'омъ: ксилографомъ, содержащимъ двѣ части вышеуказаннаго сочиненія на тибетскомъ, манчжурскомъ и монгольскомъ языкахъ.

Всего же болѣе въ этой части фонда Музея рукописей и ксилографовъ съ текстами сочиненій по грамматикѣ, и разныхъ словарей. Словари эти, въ особенности нѣкоторые тибетско-монгольскіе и тибетско-ойратскіе, наиболѣе драгоцѣнны, потому что даютъ образцовый матеріалъ для параллельнаго изученія обоихъ языковъ. Среди рукописей и ксилографовъ, заключающихъ грамматическіе тексты, любопытно отмѣтить небольшую рукопись, содержащую краткую тибетскую грамматику на тибетскомъ и ойратскомъ языкахъ, съ приложеніемъ небольшого санскритско-тибетскаго словаря, составленную извѣстнымъ изобрѣтателемъ ойратскаго алфавита Зая-Пандитой.

ИНДІЙСКОЕ СОБРАНІЕ.

Индійская часть собраній, составляющая одинъ изъ наименѣе значительныхъ по объему отдѣловъ Азіатскаго Музея, можетъ быть раздѣлена на двѣ части, неодинаковыя по числу рукописей и неодинаковыя по научному значенію и рѣдкости. Первая часть происходитъ изъ Индіи, Индо-Китая и отчасти Китая, вторая обязана своимъ происхожденіемъ находкамъ послѣднихъ десятилѣтій въ Восточномъ Туркестанѣ.

Первая часть въ значительнѣйшей мѣрѣ описана въ обстоятельномъ каталогѣ Н. Д. Миронова[1], а ранѣе того частями описывалась въ книгѣ академика Дорна[2] и въ отдѣльныхъ статьяхъ[3].

Эта часть представляетъ мало отличія отъ средняго типа европейскихъ собраній индійскихъ рукописей. Она обнимаетъ собою около 500 рукописей и, кромѣ отдѣльныхъ случайныхъ поступленій, заключаетъ въ себѣ собранія Стюарта, Хэберлинаи Сталь фонъ-Гольстейна. Нѣкоторыя рукописи попали въ Музей, пройдя черезъ руки извѣстныхъ ученыхъ: такъ, въ Музеѣ хранится большой юридическій санскритскій сборникъ, составленный въ 1789 г. для W. Jones нѣкоимъ «Servóru Trivedin»; другія — поступили черезъ Р. Ленца, О. Бётлинга,

1 Н. Д. Мироновъ, Каталогъ индійскихъ рукописей. Выпускъ I. Петроградъ 1914. (Каталоги Азіатскаго Музея Императорской Академіи Наукъ).

2 B. Dorn, Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie des Wissenschaften zu St.-Petersburg. St.-Petersburg 1846. Здѣсь указана предыдущая литература предмета.

3 O. Böhtlingk, Verzeichniss der auf Indien bezüglichen Handschriften und Holzdrucke im Asiatischen Museum der Kais. Akad. d. Wiss.; ср. Dorn, l. c. 720—736.

Г. Лебедева, Петрова, В. П. Васильева, И. П. Минаева, W. Wright, H. Zotenberg, С. Ѳ. Ольденбурга.

Довольно значительно собраніе рукописей, писаныхъ бенгальскимъ шрифтомъ, главнымъ образомъ изъ собраній Häberlin и Г. Лебедева, среди рукописей Häberlin нѣсколько могущихъ имѣть значеніе при изданіи драмъ.

Извѣстный интересъ представляютъ полиглотты китайскаго происхожденія съ параллельными санскритскими (почеркомъ ланджа), тибетскими или китайскими текстами, такъ какъ подобныхъ изданій въ Европѣ немного. Значительный интересъ представляютъ двѣ буддійскія рукописи: Saddharmapuṇḍarīka «Лотосъ истиннаго закона», хотя и писаный, повидимому, въ XIX вѣкѣ и въ Пекинѣ, но почеркомъ архаическимъ, непальскимъ XI—XII вѣка. Списокъ цѣненъ своими варіантами; онъ вывезенъ В. П. Васильевымъ изъ Китая. Другая рукопись, хотя только и отрывокъ, представляетъ собою пока unicum. Это непальская рукопись на бумагѣ, вѣроятно, XV вѣка, хотя по почерку болѣе архаическая, была подарена С. Ѳ. Ольденбургу настоящимъ Далай-Ламою. Она заключаетъ въ себѣ тексты, до сихъ поръ неизвѣстные.

Несравненно меньше по объему, такъ какъ состоитъ изъ однихъ почти отрывковъ, но несравненно болѣе цѣнна вторая, еще въ общемъ неописанная часть собранія — изъ Восточнаго Туркестана. Главная ея часть пріобрѣтена покойнымъ Н. Ѳ. Петровскимъ черезъ агентовъ на мѣстахъ, остальная—результатъ экспедицій Клеменца, Березовскаго, Ольденбурга, Лаврова и присылокъ Колоколова и Кроткова[1].

[1] Часть санскритскихъ описана или издана въ рядѣ статей С. Ѳ. Ольденбурга въ ЗВОИРАО (см. указатели къ тт. I—X и XI—XII, послѣдняя статья еще печатается); ср. для кучарскаго ст. Н. Д. Миронова, ИИАН 1909, 547—562, «Изъ рукописныхъ матеріаловъ экспедиціи М. М. Березовскаго въ Кучу».

Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ древнѣйшая, изъ извѣстныхъ Индійская рукопись на березовой корѣ, найденная, повидимому, близъ Хотана, пракритская «Dharmapada», знаменитый буддійскій каноническій текстъ. Бо́льшая часть рукописи, извѣстная въ наукѣ подъ названіемъ «рукописи Петровскаго», находится въ Петроградѣ, меньшая, извѣстная подъ названіемъ «Ms Dutreuil de Rhins»—въ Парижѣ[1]. Она писана индійскими письменами kharoṣṭhī на длинной полосѣ бересты, прошитой по краямъ нитками.

Остальныя рукописи писаны большею частью на бумагѣ, почти несомнѣнно въ самомъ Восточномъ Туркестанѣ, частью на пальмовыхъ листахъ. Послѣднія рукописи вывезены, очевидно, изъ Индіи. Преобладаетъ шрифтъ «средне-азіатская brāhmī» и разновидности индійской brāhmī, характеръ которой немного измѣнился подъ вліяніемъ китайскаго и затѣмъ и уйгурскаго письма. Въ этой части прежде всего слѣдуетъ отмѣтить громадную, хотя и неполную рукопись Saddharmapuṇḍarīka, съ кружками, приготовленными для неисполненныхъ миніатюръ и съ дарственными записями, «deyadharma». Затѣмъ Kāçyaparivarta[2], Mahāparinirvāṇasūtra, сутра о Puṣkarasārin, сокращенная редакція текста въ Divyāvadāna, отрывки сутръ изъ Dīrghāgāma, многочисленные отрывки Prātimokṣa, служебника школы Sarvāstivādin; разныя Dharmaçarīra—терминологическіе буддійскіе каталоги; отрывки катехизисовъ Praçnottara, «Вопросы и отвѣты»; отрывки словаря; отрывки цѣлаго ряда другихъ буддійскихъ сочиненій. Всего нѣсколько тысячъ отрывковъ, изъ нихъ нѣсколько сотъ значительныхъ. Только меньшая

1 См. статьи С. Ѳ. Ольденбурга и E. Senart.

2 Текстъ въ значительной мѣрѣ напечатанъ А. А. Сталь фонъ-Гольстейномъ для Bibliotheca Buddhica.

лишь часть этого матеріала изданa. Почти всѣ отрывки санскритскіе, одна значительная рукопись тохарская, нѣсколько еще отрывковъ тохарскихъ, нѣсколько отрывковъ на кучарскомъ языкѣ, изъ нихъ нѣкоторые на деревѣ.

По объему это собраніе Азіатскаго Музея уступаетъ въ индійской части англійскому, нѣмецкому и французскому, но по научному значенію сохраненныхъ имъ текстовъ можетъ смѣло съ ними равняться въ отношеніи санскритскихъ буддійскихъ текстовъ.

Кавказъ.

Собраніе рукописнаго и печатнаго словеснаго матеріала Азіатскаго Музея на кавказскихъ языкахъ и въ современномъ его состояніи сохраняетъ выдающееся значеніе. До смерти академика Броссе это было исключительное по замыслу и фактически учрежденіе. Въ армянской части, конечно, собраніе не могло конкурировать съ богатой коллекціей ученаго братства мыхитаристовъ, даже вѣнскихъ. Но армянская часть никогда не была сильной стороной Азіатскаго Музея. Большая привязанность къ грузиновѣднымъ интересамъ перваго спеціалиста по Кавказу, академика, Броссе, несомнѣнно, сказывалась на неравномѣрности обогащенія востоковѣдной библіотеки Академіи по армянскому и грузинскому языкамъ, и когда въ средѣ Академіи не стало Броссе, то даже то, что дѣлалось въ послѣдніе годы кавказовѣда,—повидимому, лишь по инерціи,—перестало продолжаться.

Насталъ моментъ, памятный для кавказовѣда, далеко не случайный[1], когда и шкафамъ съ грузинскими и армянскими книгами было отведено мѣсто въ сѣняхъ библіотеки. Между тѣмъ, въ этихъ водворенныхъ изъ внутреннихъ помѣщеній книгохранилища въ переднюю шкафахъ продолжало и механически накопляться то, что составляетъ сейчасъ рѣдчайшее

---

1 Напомню о моментѣ, зарегистрированномъ въ жизни Факультета Восточныхъ Языковъ ея историкомъ, когда былъ поднятъ вопросъ о незамѣщеніи каѳедры армянской и грузинской словесностей для «расширенія преподаванія по языкамъ, имѣющимъ практическое значеніе». (В. В. Бартольдъ, Обзоръ дѣятельности факультета 1855—1905, Пбгъ 1909, стр. 188—189).

пріобрѣтеніе: комплектъ всѣхъ армянскихъ и грузинскихъ изданій, печатавшихся въ предѣлахъ Россіи. Пока жилъ своей кипучей научной жизнью Броссе, армянская часть пополнялась и за граничными изданіями. Печатный матеріалъ Кавказскаго отдѣла Азіатскаго Музея все-таки продолжаетъ сохранять особое свое значеніе по широтѣ интереса, сказывающейся въ подборѣ первоначальнаго его состава и полнотѣ кавказскихъ изданій (а грузинскія книги почти исключительно кавказскія изданія), и въ чемъ съ Музеемъ можетъ конкурировать лишь Государственная Публичная Библіотека въ Петроградѣ.

Рукописи армянскія Азіатскаго Музея въ первоначальной части состава представляютъ остатки или отложеніе списковъ тѣхъ историческихъ сочиненій, которыя переводилъ Броссе или которыя нужны были ему въ его разысканіяхъ по исторіи Грузіи и Арменіи. Но есть, однако, и рукописи не историческаго содержанія, и среди нихъ интересъ представляетъ судебникъ Мыхитара Гоша. Послѣднія десятилѣтія армянское рукописное собраніе пополнялось всякаго рода памятниками, св. писаніемъ и проповѣдями, или графическими сборниками и т. п. Въ числѣ ихъ цѣнное пріобрѣтеніе конца 1913-го года представляетъ рукописное Евангеліе 1298 г. Цѣнность рукописи въ ея происхожденіи изъ Ани и интересной о семъ записи писца.

Собраніе рукописей грузинскихъ сравнительно съ армянскими занимаетъ первенствующее мѣсто. Главный фондъ грузинскихъ манускриптовъ—вкладъ изъ рукописей царевича Теймураза, послѣдовавшій вслѣдъ за его смертью 4 ноября/23 октября 1846 г. Въ 1847 году коллекція по волѣ Николая I была внѣдрена въ составъ Азіатскаго Музея, и лишь дублеты предоставлены Публичной Библіотекѣ. Каталога, даже полнаго печатнаго списка до сихъ поръ нѣтъ ни для армянскихъ, ни для

грузинскихъ рукописей. Спеціалисты армениcты и грузиновѣды изъ Петрограда ѣздили для описанія рукописей въ чужие края, но ни имъ самимъ не удавалось дать описаніе рукописей Академіи Наукъ, ни внѣ ихъ круга не возникала мысль о подобномъ предпріятіи.

О составѣ основной части грузинскаго собранія Азіатскаго Музея понятіе даетъ каталогъ, составленный Чубиновымъ по указаніямъ Броссе и напечатанный въ Das Asiatische Museum (1846, стр. 736—742), подъ заглавіемъ: Catalogue des manuscrits géorgiens, conservés dans le Musée Asiatique de l'Académie des Sciences.

Въ Acquisition de livres géorgiens par le Musée Asiatique (Bull. Scient., t. V, 1839, стр. 26—32, см. также Das Asiatische Mus., стр. 554—562) дается списокъ всего 11 грузинскихъ сочиненій, рукописныхъ и печатныхъ, бывшихъ въ Музеѣ до сообщаемаго пріобрѣтенія, числомъ въ общемъ въ 47 номеровъ, изъ нихъ 45 рукописей. Свѣдѣніе объ этомъ собраніи рукописей Броссе даетъ и раньше (Monographie géorgienne de Moscou, Bull. Scient., IV, 1838, стр. 329). Въ Notice des manuscrits géorgiens récemment acquis par l'Académie (Bull. Scient., VIII, 1841, стр. 305—320, см. также Das As. Mus., стр. 622—641) сообщается о пріобрѣтеніи 13 рукописей, коллекціи кн. Георгія Авалишвили, изъ коихъ 6 изъ монастыря св. Креста, въ Іерусалимѣ.

Такъ какъ въ Азіатскій Музей поступила библіотека царевича Теймураза, то для той же коллекціи имѣетъ значеніе отпечатанный проф. Цагарели (Свѣдѣнія, III, стр. 149—186): «Списокъ грузинскихъ рукописей и старо-печатныхъ книгъ, хранившихся въ библіотекѣ царевича Теймураза Георгіевича»[1]. Отъ

[1] Однако, надо быть осторожнымъ и не принимать за описаніе, хотя бы въ основной части, библіотеки царевича Теймураза, какъ то первоначально предпола-

времени до времени появлялись суммарныя сообщенія о новыхъ пріобрѣтеніяхъ или точнѣе ихъ списки, какъ, напр., Броссе — Notice des manuscrits géorgiens récemment acquis par l'Académie (Bull. Scient., t. VIII, стр. 305—320). Описательныя замѣтки объ армянскихъ рукописяхъ—лишь послѣдней категоріи, когда онѣ имѣются.

Описанія не даютъ не только полнаго представленія о состояніи собранія, но и правильнаго освѣдомленія, когда они частично захватываютъ входящія въ его составъ рукописи. Проф. А. А. Цагарели въ каталогѣ грузинскихъ рукописей Крестнаго монастыря даетъ описаніе рукописей, вывезенныхъ кн. Г. Авалишвили; по описанію каталога читатель можетъ подумать, что тѣ рукописи хранятся въ Палестинѣ, а не въ Азіатскомъ Музеѣ: настолько справка въ нихъ обнаруживаетъ неточности, не говоря о неполнотѣ сдѣланныхъ А. А. Цагарели цитатъ.

Съ другой стороны, еще раньше лексикографъ Д. Чубиновъ особо выдвигалъ цѣнность одной рукописи, какъ пергаменной (такъ значится въ рукоп. каталогѣ Музея), тогда какъ она бумажная, которая, впрочемъ, — это уже разъяснено въ вводной части текста, изданнаго по этой именно рукописи[1], — нисколько не теряетъ своего значенія отъ того, что она не содержитъ письма на пергаменѣ.

Личный мой давній интересъ, имѣвшій результатомъ наличность у меня ряда собственноручныхъ списковъ по рукописямъ Азіатскаго Музея и выписокъ изъ нихъ, быть можетъ, болѣе, чѣмъ

галъ Броссе изданный имъ во французскомъ переводѣ списокъ подъ заглавіемъ: *Catalogue de livres géorgiens, tant imprimés que manuscrits, anciens et modernes* (Recüeil des actes de la séance publique de l'Académie... tenue le [10 janvier 1838] 29 décembre 1837, St-Pétersbourg 1838, 119—178).

[1] Н. Марръ, Хитонъ Господень въ книжныхъ легендахъ армяно-грузинъ и сирійцевъ المظفريّة, стр. 73, прим. 1.

сравнительная ихъ съ другими памятниками важность, внушаетъ мнѣ мысль указать здѣсь на особое значеніе грузинской коллекціи для переводныхъ агіографическихъ текстовъ Климента, Евстаѳія, Онуфрія, Алексія и позднѣйшихъ поэтическихъ произведеній, въ числѣ ихъ и произведеній поэтессъ, хотя, повидимому, особаго вниманія заслуживаютъ мелкіе тексты безъ заглавій, часто фрагментарные, по различнымъ историко-литературнымъ и реально-историческимъ вопросамъ.

Собраніе грузинскихъ рукописей содержитъ экземпляры исключительнаго значенія, какъ, напр., списокъ церковнымъ письмомъ словаря Сулхана Орбеліана, не говоря о томъ, что вообще изъ списковъ этого памятника въ немъ лучшій подборъ словъ, и онъ въ первую очередь былъ использованъ въ предпринятомъ Академіею Наукъ изданіи словаря, текстъ для котораго подготовленъ полностью І. А. Кипшидзе и, сданный въ типографію для печатанія, послѣ пробныхъ подготовокъ, пріостановленъ печатаніемъ за отъѣздомъ І. А. Кипшидзе, взявшаго съ собою рукопись.

Уники имѣются въ собраніи и такія, которыя использованы въ изданіяхъ, именно: первостепенной важности списокъ Грузинскихъ лѣтописей—Qardlis-Ɵqovreba, буквально — Жизнь Грузіи, такъ называемый Теймуразовскій списокъ, и такія, которыя вовсе даже и не описаны по настоящему, напр., превосходная пергаменная рукопись древне-грузинскаго перевода творенія І. Златоуста — Жемчугъ, по-грузински: Margalit-i.

Къ совершенно необслѣдованнымъ уникамъ относится рукопись извѣстной и даже изданной (Тифлисъ 189 ?) грузинской версіи весьма извѣстнаго поздняго извода Калилы и Димны, Анвари-Сухейли. Рукопись принесена въ даръ Петромъ Кебадзе въ 1838 году (Brosset, Traduction géorgienne, en vers et

en prose, de l'Anvari-Sohaïli, ou fables de Pidpai, manuscrit offert à l'Académie par M. Pétré Kébadze, (Bull. Scient., V, 1839, стр. 320, см. также Dorn, Das Asiatische Museum). Исключительное значеніе этой рукописи въ ея богатой иллюстраціи цѣннѣйшаго и пока вовсе неизвѣстнаго матеріала для исторіи восточныхъ грузино-персидскихъ миніатюръ, представляющихъ интересъ не только въ художественномъ отношеніи, но и въ этнографическомъ; въ послѣднемъ отношеніи деталями, предметами матеріальной культуры, воспроизводимыми художникомъ въ рисункахъ. Впрочемъ, въ какой мѣрѣ въ миніатюрахъ заключается оригинальное творчество грузинскаго художника, хотя бы въ формахъ персидскаго искусства или, наоборотъ, точное воспроизведеніе персидскихъ иллюстрацій, пока не выяснено, но, даже если бы мы имѣли въ миніатюрахъ нашей рукописи и простыя копіи, интересъ къ нимъ отъ этого въ одномъ отношеніи можетъ лишь повыситься, такъ какъ передъ нами всталъ бы вопросъ, не имѣемъ ли въ миніатюрахъ рисунки, сложившіеся въ Персіи на сказочныя темы Калилы и Димны въ болѣе древнее время, чѣмъ эпоха персидскаго автора позднѣйшаго оригинала грузинской версіи.

Къ уникамъ относится и стихотворная версія Висы и Рамина, и хотя не къ уникамъ, но къ весьма рѣдкимъ рукописямъ—списокъ поэтическихъ произведеній Саят-Новы (№ 222) на грузинскомъ, армянскомъ и турецкомъ языкахъ, кое-гдѣ съ персидскими стихами въ перемежку, все въ грузинской транскрипціи.

Рядомъ съ униками естественно упомянуть хотя бы объ одномъ изъ важнѣйшихъ автографовъ. Въ собраніи имѣется автографъ Вахушта, именно: основное историко-географическое сочиненіе, о чемъ впервые оповѣщается въ работѣ Броссе — Monographie géorgienne de Moscou (Bull. Scient., IV, 1838, стр. 329—

336); къ уникамъ, и своего рода автографамъ относятся «Астрономическія таблицы» Улуг-бега въ переводѣ Вахтанга, сдѣланномъ при содѣйствіи Мирзы Абдуризы Тебризскаго, съ собственноручными поправками и примѣчаніями переводчика.

Нужно ли говорить о значеніи такихъ, хотя бы новѣйшихъ автографовъ научнаго значенія, какъ альбомы Dubois, Кестнера, равно рисунки Дербендскихъ стѣнъ, важные именно для тѣхъ вопросовъ, археологическо-художественныхъ, научная постановка интереса къ которымъ возникла впослѣдствіи и только-только развивается нынѣ.

Не для одного археолога повышаютъ цѣнность коллекціи вообще Кавказскаго отдѣла Азіатскаго Музея карты, эстампажи грузинскихъ и армянскихъ надписей, въ числѣ послѣднихъ Анійскія и Абиховскія, не говоря о позднѣйшихъ. А одна надпись — въ подлинникѣ, на камнѣ [1].

Особо должны быть названы грузинскіе документы, акты, часто подлинные, давшіе Броссе реальную возможность проникнуть въ существо внутренняго строя Грузіи.

Лишь на послѣднемъ мѣстѣ упоминаю матеріалы по кавказскимъ горскимъ языкамъ, — притомъ на послѣднемъ мѣстѣ потому, что по нимъ менѣе всего дѣлалось не только позднѣе, но и раньше; между тѣмъ, важны именно эти не имѣющіе письменности горскіе языки Кавказа, въ первую голову яфетическіе: иранскіе языки Кавказа, курдскій, и особенно осетинскій, все-таки были предметомъ особаго вниманія научныхъ круговъ въ Россіи, занятія ими культивировались Академіею. Интересъ къ сѣверно-кавказскимъ яфетическимъ языкамъ ограниченъ тѣми предѣлами, которые были открыты для нихъ контактомъ акаде-

[1] Н. Марръ, Камень съ армянскою надписью изъ Ани въ Азіатскомъ Музеѣ. ИИАН 1910, 1149—1151.

мика Шифнера, чуждаго знаній Кавказа, съ Усларомъ, между тѣмъ для юга Россіи, вообще для прото-исторіи и подпочвенныхъ ея древностей эта именно сопредѣльная полоса Кавказскаго міра и представляетъ, казалось бы, первостепенное значеніе. Вѣроятно, сознаніе этого скажется на упорядоченіи и, болѣе того, обогащеніи соотвѣтственныхъ матеріаловъ.

О цѣнности Кавказскаго отдѣла въ отношеніи грузинскихъ матеріаловъ трудно дать представленіе сейчасъ, когда рѣдко въ какой-либо ихъ части каталогизація ведена далѣе простой регистраціи. Въ пользу его высокой цѣнности достаточно сказать, что въ составъ Азіатскаго Музея вошла библіотека и самого Броссе, всѣ не только книги, но и рукописи, въ числѣ коихъ, слѣдовательно, такіе списки-автографы, какъ, напримѣръ, тетрадь въ 29 страницъ съ работой о названіяхъ растеній, сдѣланной по просьбѣ академика, и т. п.

Если бы мнѣ, однако, предложили вопросъ, какой частью сильна грузинская коллекція, это безспорное украшеніе Кавказскаго отдѣла Азіатскаго Музея, я затруднился бы сказать, такъ какъ и церковная литература, притомъ древнѣйшая, и свѣтская средневѣковая, повѣствовательная, героическая и романическая, съ памятниками въ прозѣ и стихахъ, и позднѣйшая грузинская поэзія въ собраніи представлена памятниками, исключительными или по содержанію или по особенностямъ матеріальнымъ и формальнымъ. Легче сказать, какой частью грузинская рукописная коллекція, да и собраніе печатныхъ книгъ, и грузинскихъ, и армянскихъ, и вообще весь составъ Кавказскаго отдѣла Музея, чрезвычайно слабы. Это той, которая невольно сказывается и на настоящей моей замѣткѣ: научно-регистраціонной частью, т. е. отсутствіемъ мало-мальски сноснаго каталога, болѣе того, неизвѣстностью того, что мы имѣемъ въ Азіат-

скомъ Музеѣ, празднующемъ уже свой юбилей, и это въ то время, когда въ Тифлисѣ за послѣднія три, четыре десятилѣтія успѣли сложиться цѣлыя библіотеки восточныхъ рукописей, и появиться печатныя описанія, и во всякомъ случаѣ полные списки, притомъ иногда неоднократно. Будемъ надѣяться, что и для Кавказскаго отдѣла сложатся условія, болѣе благопріятныя, какъ для его обогащенія соотвѣтственно расширенію базы теоретическаго интереса, и къ культурно-историческому, и къ этнографическому Кавказу, такъ и для выявленія печатно того, что и сейчасъ имѣется въ немъ научно-цѣннаго и болѣе неизвѣстнаго, чѣмъ то, что хранится въ книгохранилищахъ Аѳона и Синая.

Христіанскій Востокъ.

ЭѲІОПСКІЯ РУКОПИСИ.

Эѳіопскій отдѣлъ моложе другихъ представителей христіанскаго востока въ Азіатскомъ Музеѣ: это не мѣшаетъ ему въ настоящее время стоять и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи на второмъ мѣстѣ послѣ Кавказа. Характерно, что ровно 80 лѣтъ тому назадъ (въ 1837—1838 г.) будущій директоръ Азіатскаго Музея академикъ Дорнъ, давая первое въ Россіи описаніе эѳіопскихъ рукописей, могъ насчитать только 12 номеровъ въ двухъ петроградскихъ собраніяхъ; среди нихъ Азіатскаго Музея не значилось. Мало того — и въ 1846 году, подводя итогъ 25-лѣтнему существованію Музея, онъ не могъ указать ни одной эѳіопской рукописи, имѣвшей къ нему отношеніе. Всего 20 лѣтъ тому назадъ было положено первое основаніе эѳіопской коллекціи Азіатскаго Музея съ пріобрѣтеніемъ въ 1897 году 7 номеровъ у извѣстнаго византиниста А. Пападопуло-Керамевса. Интересъ къ Абессиніи, вспыхнувшій было въ Россіи въ концѣ XIX-го и началѣ XX-го вѣка, быстро увеличилъ собраніе: въ 1903-мъ году въ составъ его вошла коллекція дипломата Орлова (изъ 40 номеровъ), въ 1904-мъ — врача Коріандера (изъ 9). Такимъ образомъ, со включеніемъ нѣкоторыхъ случайныхъ пріобрѣтеній, въ настоящее время Эѳіопскій отдѣлъ Азіатскаго Музея состоитъ изъ 58 рукописей и 5 отдѣльныхъ холстовъ — картинъ; онъ предста-

вляетъ самую крупную въ Россіи коллекцію, содержа болѣе половины всѣхъ имѣющихся въ Петроградѣ памятниковъ[1].

Составъ коллекціи обыченъ для собраній эѳіопскихъ рукописей: преобладаетъ отдѣлъ литургики (20) и священнаго писанія (11); къ нимъ примыкаетъ догматика съ патристикой (6), агіологія (7) и отреченная литература (7). Уже и въ этихъ достаточно шаблонныхъ отдѣлахъ встрѣчаются нѣкоторыя уники или мало извѣстныя редакціи, особенно среди агіологическихъ памятниковъ (№ 13, 22 и др.). Интересно отмѣтить, что не лишенъ представителей довольно рѣдко встрѣчающійся въ обычныхъ собраніяхъ отдѣлъ хронографовъ — въ одномъ изъ номеровъ (48) мы имѣемъ лѣтопись Абессиніи, доведенную почти до нашихъ дней, до воцаренія Менелика.

Коллекція заключаетъ рукописи не только на эѳіопскомъ языкѣ, въ ней имѣются и болѣе рѣдкіе образцы амхарской письменности, какъ въ видѣ приписокъ, такъ и самостоятельныхъ трактатовъ (№ 6, л. 2, 72; № 16 — 18, 57). Совершенно исключительное значеніе имѣетъ серія писемъ крупныхъ современныхъ дѣятелей Абессиніи: здѣсь мы находимъ автографы императора Менелика, его дочери, царицы Таиту, знаменитаго раса Маконена, митрополита Петра и цѣлаго ряда другихъ.

Интересъ Эѳіопскаго отдѣла не ограничивается тѣмъ матеріаломъ, который онъ доставляетъ изслѣдователю письменности эѳіоповъ: онъ можетъ претендовать на извѣстное вниманіе и со стороны любителей восточнаго искусства. Помимо характерныхъ заставокъ и виньетокъ во многихъ рукописяхъ имѣются иконы. На ряду съ такими образцами анонимнаго художествен-

[1] Всѣ ссылки на номера рукописей въ дальнѣйшемъ дѣлаются по каталогу Б. А. Тураева, Эѳіопскія рукописи въ С.-Петербургѣ. ЗВОИРАО 1907. XVII, 115—248.

наго творчества въ коллекціи представлено и личное цѣлой серіей картинъ-иконъ современнаго абессинскаго художника-иконописца Иліи.

На долю Эѳіопскаго отдѣла выпало особое счастіе по сравненію съ другими собраніями Азіатскаго Музея: относительно небольшой объемъ его и наличіе въ средѣ петербургскихъ востоковѣдовъ одного изъ крупнѣйшихъ современныхъ эѳіопистовъ способствовали тому, что изъ всѣхъ отдѣловъ единственно эѳіопскій имѣетъ полное и обстоятельное описаніе. Мало того, благодаря изданіямъ и изслѣдованіямъ Б. А. Тураева едва ли матеріалы какого-нибудь другого отдѣла вошли въ такой мѣрѣ въ обиходъ европейской науки. Эѳіопская коллекція Азіатскаго Музея, насчитывающая только два десятилѣтія своего существованія, вмѣстѣ съ другими петроградскими собраніями воплощаетъ недостижимый раньше идеалъ: теперь русскій эѳіопистъ можетъ работать надъ рукописными матеріалами, находящимися въ Россіи, не нуждаясь въ поѣздкахъ за поискомъ ихъ на западѣ. Такое положеніе было бы невозможно еще во времена епископа Порфирія (Успенскаго) или проф. В. Болотова.

КОПТСКІЯ, СИРІЙСКІЯ И САМАРИТАНСКІЯ РУКОПИСИ.

Музей обладаетъ девятью коптскими рукописями. Три происходятъ изъ собранія Сухтелена, въ которое поступили изъ Уніатскаго коптско-эѳіопскаго монастыря Св. Стефана въ Ватиканѣ. Пять рукописей пріобрѣтено въ 1897 г. отъ покойнаго А. И. Пападопуло-Керамевса и одинъ листокъ поступилъ съ бумагами покойнаго О. Э. Лемма. Всѣ рукописи позднія, богослужебнаго назначенія. Въ самое послѣднее время изъ бумагъ покойнаго О. Э. Лемма поступило въ Музей большое количество цѣнныхъ списковъ съ рукописей, сдѣланныхъ съ обычной тщательностью покойнаго ученаго. Этотъ богатый матеріалъ, только-что поступившій въ Музей, разбирается, также какъ и богатое собраніе книгъ по коптологіи и Христіанскому Востоку, которое дѣлаетъ теперь Азіатскій Музей однимъ изъ самыхъ богатыхъ книжныхъ собраній въ этой области.

Сирійскихъ рукописей всего 13, изъ нихъ любопытны по мѣсту происхожденія три отрывка изъ Хара-хото и одна рукопись изъ Турфана.

Самаританскія рукописи малозначительны.

Семиты.

ЕВРЕЙСКІЯ РУКОПИСИ И ПЕЧАТНЫЯ КНИГИ.

Основаніе Еврейскаго отдѣла Азіатскаго Музея положено еще при учрежденіи Академіи Наукъ. Въ 1776 г. уже было много книгъ Hebraica (см. Dorn, Das Asiatische Museum, S. 8). Въ 1844 г. было 608 книгъ, печатанныхъ въ Россіи и записанныхъ въ отдѣльномъ каталогѣ (см. тамъ же, стр. 109). Въ 1860 г. было уже 1500 книгъ, каталогъ коихъ былъ составленъ Х. Гурляндомъ (см. Bibl. Friedl. v. I, p. III). Но главною основою книжнаго богатства Еврейскаго отдѣла Азіатскаго Музея послужило принесеніе въ даръ Академіи Наукъ Л. П. Фридландомъ въ 1892 г. 13.000 еврейскихъ книгъ и 300 рукописей. Каталогъ этой Bibliotheca Friedlandiana, выпуски I—VII, 1893—1918, 656 стр. составленъ С. Е. Винеромъ и продолжаетъ составляться и печататься[1].

Въ 1909 г. Академіей Наукъ была куплена библіотека проф. Д. А. Хвольсона, извѣстная своимъ строгимъ выборомъ и рѣдкимъ богатствомъ, особенно по отдѣламъ Библіи, Талмуда и инкунабулъ[2].

Еврейскихъ книгъ, напечатанныхъ въ XV вѣкѣ, извѣстно всего до 100 разныхъ изданій. Изъ нихъ (инкунабулъ) теперь

---

[1] Ср. Восходъ, 1897, VIII; Еврейская Энциклопедія, т. 4, стр. 484; Monatsschrift für G. u. W. d. Judenthums 41. 1897, S. 708; Eisenstadt und Wiener, Daat—Kedoschim 1897—98; Wiener, Das Banndecret Jacob Polak's (1520), 1897; Wiener, Bibliographie der Oster-Haggada (1500—1900), 1902.

[2] Catalog der Hebräischen Bücher in der Bibliothek des Prof. D. Chwolson, Wilna 1897 (2208 №№); Хвольсонъ, Еврейскія старопечатныя книги (1475—1500).

въ Азіатскомъ Музеѣ находится 40 (33 въ Bibl. Friedl., въ библіотекѣ проф. Д. А. Хвольсона 29, изъ нихъ 7 не находящихся въ Bibl. Friedl.)[1].

Изъ рукописей до поступленія библіотеки Фридланда въ Музеѣ находилась только одна (на пергаменѣ 1485 г. въ 3-хъ томахъ). Въ данное время въ Музеѣ числится до 400 томовъ рукописей. Среди 300 тт. рукописей Фридланда, хотя это и случайное собраніе, все же довольно значительно количество интересныхъ и важныхъ для исторіи еврейскаго народа и исторіи еврейской литературы, а также много старинныхъ рукописей на пергаменѣ. Коллекція рукописей проф. Хвольсона, состоящая изъ 40 nn⁰ отличается своимъ подборомъ, хотя между ними много копій.

Библейскій отдѣлъ весьма богатъ рѣдкими изданіями. Имѣется напр., Библія съ арамейскимъ переводомъ и со всѣми комментаріями, такъ называемая Biblia Rabbinica, во всѣхъ трехъ Венеціанскихъ изданіяхъ 1517, 1524 и 1548 гг.; Полиглотты: Антверпенская 1569 — 72, Парижская 1645 и Лондонская 1655 — 57, но не находится изданія Хименеса 1517 г.; Пятикнижіе, во главѣ съ Лиссабонскимъ изданіемъ 1491 г. in fol. въ двухъ томахъ, печатанныхъ на пергаменѣ.

Также насчитывается много изданій XVI вѣка. Между ними рѣдкія изданія Салоникское и Константинопольскія, изданія съ переводами на арабскій и персидскій языки (Константинополь 1546), на греческій и испанскій (Константинополь 1547, къ сожалѣнію, не полное).

Въ Музеѣ хранятся также рѣдкія изданія остальныхъ частей Библіи. Въ особенности заслуживаютъ упоминанія Псалмы Да-

[1] См. Bibl. Friedl. I, p. II; Jewish Encyclopedia, vol. VI, p. 577; Еврейская Энциклопедія, т. 8, стр. 190.

вида, во главѣ съ первымъ изданіемъ Псалмовъ съ комментаріями р. Давида Кимхи 1477 г.; Новый Завѣтъ—разныя изданія (см. Bibl. Friedl. №№ 1609—1644); Конкорданціи — почти всѣ изданія, начиная съ перваго Венеціанскаго 1523 г.; Массора — изданіе Гинзбурга, Лондонъ 1880—85.

Особо богатымъ отдѣломъ является отдѣлъ грамматики еврейскаго языка, представленнаго въ первыхъ и рѣдкихъ изданіяхъ.

Богато представлены и словари, напримѣръ словарь р. Д. Кимхи; оба Неаполитанскія изданія 1490 и 1491 гг.; Константинопольское 1513 и Венеціанскія изданія 1529, 1546 и 1547 гг.; также Еврейскій словарь, Переца Тревота. Неаполь 1488[1].

Кромѣ того нелишне отмѣтить Арухъ Натана, во всѣхъ изданіяхъ (кромѣ перваго изданія) Мишна, съ комментаріемъ Маймонида, Неаполь 1492.

Что касается Талмуда, то собранъ почти полный экземпляръ Венеціанскаго изданія 1520 г., также 10 трактатовъ вышедшихъ до этого изданія, и между ними трактатъ Хулинъ и Нида Сонцино 1489 г.: Хагада (Пасхальная), теперь 600 разныхъ изданій[2]; еврейскія народныя пѣсни[3].

Общее число томовъ, какъ на древне-еврейскомъ языкѣ такъ и на жаргонѣ равняется круглымъ счетомъ 50,000.

---

[1] Хвольсонъ, Еврейскія старопечатныя книги, стр. 27.

[2] Wiener, Bibliographie der Oster-Haggada (1500—1900), 1902.

[3] Библіографическій указатель сборниковъ пѣсенъ на разговорно-еврейскомъ языкѣ, имѣющихся въ Азіатскомъ Музеѣ Академіи Наукъ. Составленъ С. Е. Виперомъ, 1901.

Нумизматическое отдѣленіе.

При учрежденіи Азіатскаго Музея или, какъ онъ былъ названъ первоначально, Восточнаго Кабинета[1] въ составъ его вошло, между прочимъ, собраніе восточныхъ монетъ, хранившееся до тѣхъ поръ въ Кунсткамерѣ Академіи Наукъ. Начало этому собранію, какъ и другимъ академическимъ коллекціямъ, было положено основателемъ Академіи, Петромъ Великимъ; какъ впослѣдствіи было отмѣчено Х. Д. Френомъ, персидскія монеты собранія доходили только до года смерти Петра (1725)[2]. Описаніе коллекціи было поручено приглашенному въ 1731 г. изъ Германіи проф. Керу (умеръ въ 1740 г.); рукопись Кера въ самой Академіи считалась утраченной[3]; бар. В. Г. Тизенгаузеномъ было установлено, что она сохранилась въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ[4]. Керомъ было описано болѣе 8000 «арабскихъ и татарскихъ» монетъ. Изъ труда Кера, повидимому, заимствованъ списокъ монетъ, вошедшій въ первый печатный каталогъ «Museum Petropolitanum», составленный Крузіусомъ (не обладавшимъ познаніями въ восточной нумизматикѣ) и изданный въ 1745 г.[5].

---

[1] Это названіе (въ нѣмецкомъ переводѣ Asiatisches Kabinet) употреблено въ предложеніи президента Академіи С. Уварова отъ 11 ноября 1818 г. и въ посланной Френу выпискѣ изъ журнала Комитета Правленія 15 ноября; выраженіе «Азіатскій Музей» находится только въ отвѣтной бумагѣ Френа (Dorn, Das Asiat. Museum, Beilage 6 u. 7).

[2] Ibid., 4.

[3] Ibid., 16.

[4] Труды 3-го международн. съѣзда оріент., I, 3.

[5] Das Asiat. Mus., 6 u. Beilage 1.

Обогащеніе собранія въ XVIII в. носило болѣе или менѣе случайный характеръ. Изъ такихъ случайныхъ находокъ особенно цѣнной оказалась сдѣланная въ 1785 г. въ Смоленской губерніи; среди монетъ, доставленныхъ Академіи Палласомъ, была, между прочимъ, крайне рѣдкая монета 95 г. хиджры, чеканенная въ Кумисѣ (т. е. въ главномъ городѣ этого округа, Дамганѣ)[1]. Но вообще, при случайномъ характерѣ пріобрѣтеній, накоплялось много дубликатовъ и много негодныхъ экземпляровъ. Когда Френъ въ 1817 г. приступилъ къ разбору собранія, то всѣхъ монетъ оказалось болѣе 19.000; послѣ выдѣленія дубликатовъ и совершенно негодныхъ экземпляровъ осталось всего 2264. Къ этимъ монетамъ Френъ присоединилъ нѣкоторое число лучшихъ дубликатовъ (2031), для облегченія чтенія надписей и для того, чтобы наиболѣе цѣнныя монеты имѣлись въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Всего, такимъ образомъ, въ нумизматическое собраніе Азіатскаго Музея вошло изъ стараго фонда 4295 монетъ—179 золотыхъ, 3484 серебряныхъ и 732 мѣдныхъ[2]. Съ Высочайшаго разрѣшенія[3] негодные экземпляры были переданы на монетный дворъ, при чемъ за нихъ было уплачено 215 р. $82^1/_2$ коп. сер.[4]; изъ дубликатовъ были составлены особыя коллекціи, предназначенныя для обмѣна и пере-

---

[1] Das Asiat. Mus., Beilage 2. Въ монографіи В. Г. Тизенгаузена, «Монеты вост. халифата», при упоминаніи объ этой монетѣ (№ 416) указанъ только академическій экземпляръ; изъ указателя видно, что это была также единственная извѣстная халифская монета, чеканенная въ Кумисѣ. Въ собраніи Эрмитажа экземпляровъ этой монеты не имѣется, только среди новыхъ пріобрѣтеній отмѣченъ дирхемъ, чеканенный въ Кумисѣ въ 91 г. х. (А. Марковъ, Инвент. каталогъ мусульм. монетъ Имп. Эрмитажа, стр. 875).

[2] Das Asiat. Museum, Beilage 17, S. 244 f.

[3] О немъ ibid., Beil. 31, S. 265.

[4] Ibid., S. 31.

дачи[1]; такихъ коллекцій было составлено 12[2]; потомъ число ихъ было доведено до 24[3].

Уже въ первые годы послѣ учрежденія Азіатскаго Музея и назначенія Френа директоромъ Музей, наряду съ рукописными коллекціями, пріобрѣлъ значительное количество монетъ, причемъ эти монеты пріобрѣтены со строгимъ выборомъ. Френъ былъ убѣжденъ, что собраніе восточныхъ монетъ Азіатскаго Музея выдается среди другихъ собраній, «какъ луна между малыми звѣздами»[4]. Такое же убѣжденіе раздѣлялось другими оріенталистами-нумизматами; такъ П. С. Савельевъ писалъ, что изданный Френомъ въ 1826 г. каталогъ монетъ Музея «открылъ ученому міру богатѣйшее изъ существующихъ собраній восточныхъ монетъ».

По отзыву спеціалиста, трудъ Френа «составляетъ эпоху въ исторіи восточной нумизматики и сдѣлался настольною книгою и однимъ изъ главныхъ пособій для занимающихся изученіемъ мусульманскихъ монетъ»[5]. Книга не утратила своего значенія и до сихъ поръ. Цѣлый рядъ восточныхъ монетъ впервые былъ описанъ въ «Recensio numorum Muhammedanorum Academiae Imp. Scientiar. Petropolitanae»; изъ этого описанія исходили ученые при обсужденіи возникавшихъ въ наукѣ вопросовъ,

---

[1] На первую очередь было поставлено собраніе Казанскаго Университета (ibid., Beil. 31, S. 266). Впослѣдствіи часть академическихъ дублетовъ была передана вновь образованному Археологическо-Нумизматическому (нынѣ Русское Археологическое) Обществу (Н. И. Веселовскій, Исторія Р. Арх. Общ., 31).

[2] Das Asiat. Museum, Beilage 17, S. 245.

[3] Ibid., Beilage 31, S. 265.

[4] Уже въ первой своей статьѣ о собраніи (De Academiae Imp. Scientiar. Petropolitanae Museo Numario Muslemico prolusio prior) Френъ писалъ: «Apparatum academicum inter reliquos eminere tamquam luna inter stellas minores».

[5] Труды 3-го международн. съѣзда, I, 5. Тамъ же цитата изъ статьи П. С. Савельева, «О жизни и ученыхъ трудахъ Френа».

напр., вопроса о такъ называемыхъ монетахъ бухаръ-худатовъ[1]. Столь же интересенъ былъ установленный Френомъ фактъ чеканки въ Бухарѣ въ XIII в. монетъ съ китайскими іероглифами[2]. Нѣкоторыя изъ монетъ академическаго собранія остаются рѣдкими и до настоящаго времени; такъ, еще въ 1896 г. при описаніи частной коллекціи, оставшейся послѣ хедива Исмаила, представленная въ этой коллекціи монета мятежника Себкери(?)[3], владѣвшаго Фарсомъ въ концѣ III в. хиджры, была названа единственной; между тѣмъ экземпляръ той же монеты былъ описанъ уже въ «Recensio» Френа[4]. Изъ золото-ордынскихъ монетъ только въ академическомъ собраніи имѣется монета хана Кадыръ-бирди (одного изъ сыновей Тохтамыша), хотя это чтеніе и вызываетъ сомнѣніе[5]. При описаніи коллекціи джелаиридскихъ монетъ, принадлежащей Эрмитажу, академическій экземпляръ динара 762 г. х., описанный Френомъ, далъ возможность полностью прочитать надпись, отчасти стертую на экземплярѣ Эрмитажа[6]. Вообще Recensio и другіе нумизматическіе труды Френа доставили наукѣ обильный матеріалъ, которому были многимъ обязаны составители монографій по монетамъ отдѣльныхъ государствъ и династій, въ томъ числѣ, по собственному признанію[7], бар. В. Г. Тизенгаузенъ, авторъ

---

1 Ср. изслѣдованіе П. И. Лерха, въ Трудахъ Вост. Отд. Р. Арх. Общ., ч. XVIII.

2 ЗВОИРАО XII, 03.

3 Чтеніе сомнительно; на изданномъ Каэтани факсимиле труда Ибн-Мискавейха въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видѣнъ гласный знакъ, относящійся къ первой или второй буквѣ, вѣроятно къ первой (напр., Ibn-Miskawayh V, 44, 78 и друг.).

4 ЗВОИРАО XI, 406.

5 Объ этомъ А. Марковъ, Инв. каталогъ, предисл.

6 А. Марковъ, Каталогъ Джелаиридскихъ монетъ, стр. LIV и 5 (№ 14).

7 Труды 3-го междун. съѣзда, I, 21 (прим. 41).

едва ли не лучшаго труда по мусульманской нумизматикѣ на русскомъ языкѣ «Монеты восточнаго халифата». Ссылки на каталогъ и списки пріобрѣтеній академическаго собранія часто встрѣчаются также въ капитальномъ трудѣ А. К. Маркова «Топографія кладовъ восточныхъ монетъ (сасанидскихъ и куфическихъ)».

Помимо мусульманскихъ монетъ, собраніе Азіатскаго Музея заключаетъ въ себѣ нѣкоторое число до-мусульманскихъ, преимущественно сасанидскихъ[1], описаніе которыхъ предполагалъ составить Б. А. Дорнъ[2], грузинскихъ, армянскихъ и дальневосточныхъ. Если эти отдѣлы Музея меньше привлекали къ себѣ вниманіе, то это отчасти объясняется тѣмъ, что эта часть нумизматики была далека отъ научныхъ интересовъ первыхъ директоровъ Музея, Френа и Дорна. Мусульманскими монетами Музей продолжалъ обогащаться (были, конечно, случаи приращенія Музея и по другимъ нумизматическимъ отдѣламъ) до смерти Дорна, послѣдовавшей въ 1881 г. За послѣднія десятилѣтія и эти пріобрѣтенія почти прекратились, что въ «Матеріалахъ для исторіи академическихъ учрежденій»[3] объяснено «отсутствіемъ спеціалиста по этой отрасли востоковѣдѣнія».

Это замѣчаніе относится, конечно, къ личному составу Академіи, но не къ русской наукѣ вообще, давшей за тотъ же періодъ рядъ цѣнныхъ трудовъ по восточной нумизматикѣ. По тѣмъ же причинамъ собраніе восточныхъ монетъ Азіатскаго Музея, считавшееся при Френѣ первымъ въ мірѣ, теперь занимаетъ довольно скромное мѣсто даже среди петроградскихъ со-

---

[1] Вопроса о нихъ касается одинъ изъ докладовъ Френа Конференціи (1828 г.), см. Das Asiat. Museum, Beilage 50.

[2] Ibid., S. 130.

[3] Матеріалы и т. д., стр. 234.

браній, далеко уступая собранію Эрмитажа. Тѣмъ не менѣе пользованіе монетами, принадлежащими Азіатскому Музею, остается необходимымъ при составленіи монографій по тому или другому отдѣлу или при изслѣдованіи отдѣльныхъ нумизматическихъ вопросовъ. Еще въ 1904 г. О. Ретовскимъ, авторомъ извѣстной монографіи о монетахъ Гиреевъ, были разсмотрѣны также экземпляры Азіатскаго Музея[1]. За послѣдніе годы собраніе, повидимому, находилось въ менѣе удовлетворительномъ состояніи. Покойный Н. И. Веселовскій въ статьѣ о золотоордынскомъ городѣ Гюлистанѣ, по поводу одной изъ чеканенныхъ въ этомъ городѣ загадочныхъ монетъ, замѣтилъ, что экземпляровъ Азіатскаго Музея ему «видѣть не удалось, такъ какъ они не оказались на своемъ мѣстѣ»[2]. Можно надѣяться, что въ ближайшемъ будущемъ, послѣ перехода Музея въ новое помѣщеніе, нумизматическое собраніе Музея будетъ вновь поставлено на прежнюю высоту и вновь будетъ привлекать къ себѣ всѣхъ интересующихся монетными памятниками восточныхъ государствъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

[1] O. Retowski, Die Münzen der Girei, Moskau 1905, Vorwort.
[2] ЗВОИРАО XXI, 62.

Азіатскій Музей.

1818 — 1918.*

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ.

ДИРЕКТОРЫ.

1. Френъ, Христіанъ Даніловичъ — съ 11 ноября 1818 по 20 мая 1842 г. (спачала назывался Хранителемъ Восточнаго Кабинета). †
2. Дорнъ, Бернгардъ (Борисъ) Андреевичъ — съ 20 мая 1842 по 19 мая 1881 г. †
3. Розенъ, баронъ Викторъ Романовичъ — съ 19 мая 1881 по 8 марта 1882 г. †
4. Видеманъ, Фердинандъ (Федоръ) Ивановичъ — съ 12 апрѣля 1882 по 22 января 1885 г. †
5. Радловъ, Василій Васильевичъ — съ 22 января 1885 по 9 января 1890 г. †
6. Залеманъ, Карлъ Германовичъ — съ 9 января 1890 по 30 ноября 1916 г. †
7. Ольденбургъ, Сергѣй Ѳедоровичъ — съ 7 декабря 1916 г.

---

* Составлено по дѣламъ Архивовъ Конференціи и Правленія.

ХРАНИТЕЛИ.

1. Волковъ, Михаилъ Гавриловичъ — съ 29 марта 1826 по 14 мая 1846 г. †
2. Френъ, Робертъ Христіановичъ — съ 27 августа 1846 по 1 марта 1882 г. †
3. Грубе, Вильгельмъ Ивановичъ — съ 8 апрѣля 1882 по 1 сентября 1883 г. †
4. Леммъ, Оскаръ Эдуардовичъ — съ 29 октября 1883 по 21 мая 1918 г. †

СТАРШІЕ УЧЕНЫЕ ХРАНИТЕЛИ.

1. Розенбергъ, Фридрихъ Александровичъ — съ 1902 г.
2. Алексѣевъ, Василій Михайловичъ — съ 1910 г.

МЛАДШІЕ УЧЕНЫЕ ХРАНИТЕЛИ.

1. Ивановъ, Владиміръ Алексѣевичъ — съ 1915 г.
2. Винеръ, Самуилъ Еремеевичъ — съ 1887 г.

НАУЧНЫЕ СОТРУДНИКИ, ЗАВѢДУЮЩІЕ ОТДѢЛАМИ.

1. И. Ю. Крачковскій. Мусульманскій Міръ — съ 1916 г.
2. Б. Я. Владимірцовъ. Средняя Азія — съ 1915 г.
3. А. Н. Самойловичъ. Нумизматика, эпиграфика, археологія — съ 1918 г.
4. С. Г. Елисѣевъ. Азіатскій Архивъ — съ 1918 г.

НАУЧНЫЕ СОТРУДНИКИ.

1. Н. М. Дьяконова — съ 1918 г.
2. П. В. Ернштедтъ — съ 1918 г.
3. О. О. Розенбергъ — съ 1918 г.

Дѣленіе Азіатскаго Музея
съ 1918 года.

I-ое ОТДѢЛЕНІЕ. Книги, печатанныя на европейскихъ языкахъ.

1. Книги.
2. Періодическія изданія.

II-ое ОТДѢЛЕНІЕ. Азіатскій Архивъ.

III-ье ОТДѢЛЕНІЕ. Восточныя рукописи и книги, печатанныя на Востокѣ.

1. Мусульманскій Міръ.
2. Дальній Востокъ.
3. Средняя Азія, до-исламскіе Турки, Индія, Индокитай, Сибирскіе инородцы.
4. Семиты.
5. Кавказъ и Христіанскій Востокъ.
6. Иранъ до Ислама.

IV-ое ОТДѢЛЕНІЕ. Нумизматика, эпиграфика, археологія.

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе С. Ѳ. Ольденбурга I
Отдѣленіе книгъ на Европейскихъ языкахъ Ф. А. Розенберга . . . 1
Азіатскій Архивъ С. Ѳ. Ольденбурга 6
Мусульманскій Міръ . . . . . 8—27
Арабскій отдѣлъ И. Ю. Крачковскаго 8
Персидскія рукописи и печатныя книги Ф. А. Розенберга . . 20
Историческія и географическія рукописи В. В. Бартольда . . 24
Иранъ Ф. А. Розенберга 28
Турки А. Н. Самойловича . . . . . 33—43
I. Енисейско-орхонскія надписи и рукописи 33
II. Турецко-уйгурскія рукописи 34
III. Образчики манихейскаго письма 37
IV. Сирійско-турецкіе памятники 37
V. Караимско-турецкія рукописи 38
VI. Турецкіе тексты въ грузинской транскрипціи 39
VII. Мусульманско-турецкія рукописи 39
А. Среднеазіатско-турецкія рукописи 41
Б. Малоазіатско-турецкія и османскія сочиненія 43
Дальній Востокъ. . . . . 44—73
Китайскій и Корейскій фонды В. М. Алексѣева 44
Манчжурскій фондъ В. Л. Котвича 66
Японскій фондъ С. Г. Елисѣева 69
Средняя Азія и Индія . . . . . 74—90
Тибетскій фондъ Б. Я. Владимірцова 74
Монгольскій фондъ Б. Я. Владимірцова 77
Mongolica polyglotta 85
Индійское собраніе С. Ѳ. Ольденбурга 87
Кавказъ Н. Я. Марра 91
Христіанскій Востокъ . . . . . 100—103
Эѳіопскія рукописи И. Ю. Крачковскаго 100
Коптскія, Сирійскія и Самаританскія рукописи Б. А. Тураева . . 103
Семиты С. Е. Винера . . . . . 104—106
Еврейскія рукописи и печатныя книги 104
Нумизматическое отдѣленіе В. В. Бартольда 107
Азіатскій Музей. Личный составъ 1818—1918 г. 113
Дѣленіе Азіатскаго Музея съ 1918 года 115

КНИЖНАЯ
ЛАВКА
ЛИТФОНДА
С. С. С. Р.

№ 4035/934
Цена 6-
Дата 10/II 50

ЛОРАНИ
50 ж.